

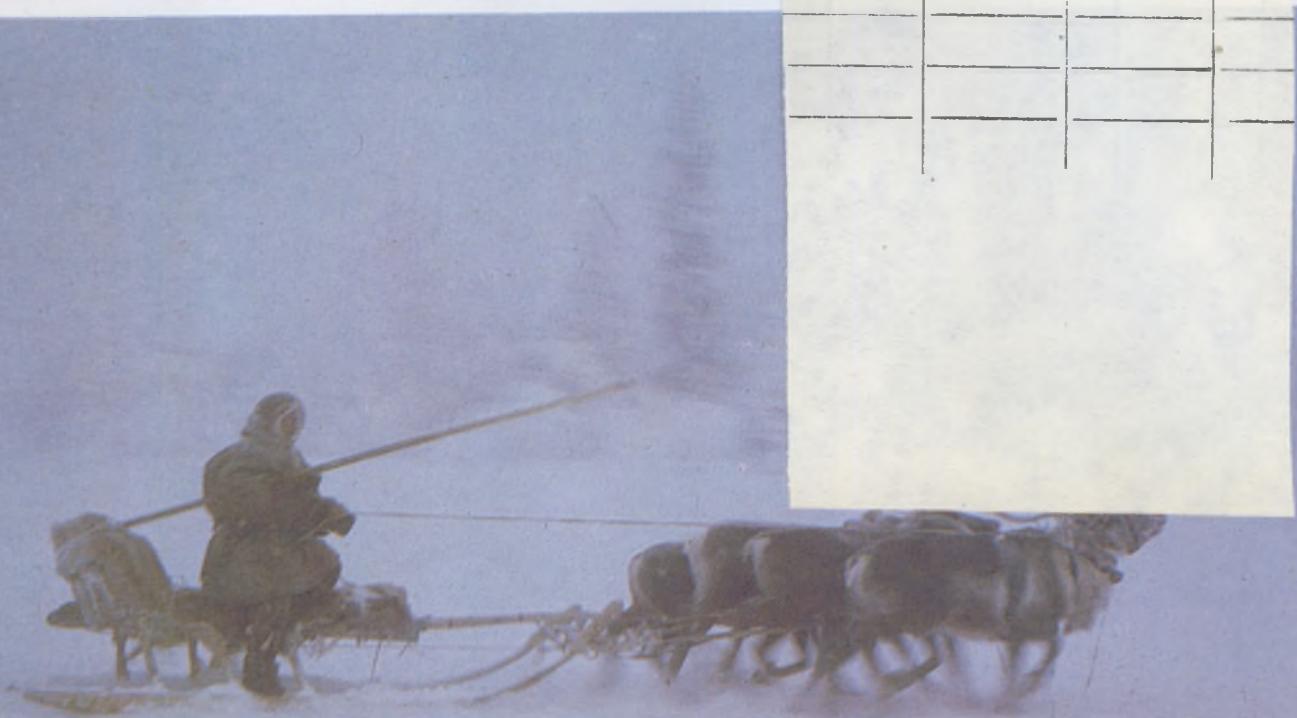
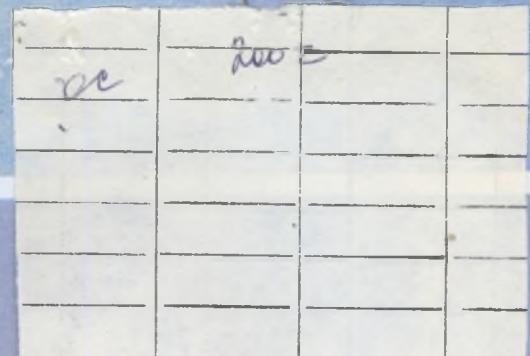
охота

и охотничье хозяйство

3

1996

ПРОБЛЕМЫ МЯГКОГО ЗОЛОТА

Зерно, золото и пушнина — вот что было визитной карточкой царской России на международном рынке. Монополия государства на пушнину существовала с Петровских времен. Ее экспорт во многом способствовал укреплению курса национальной валюты. Торговля пушниной на внешнем рынке насчитывает 300-летнюю историю. Тому подтверждение — крупнейший в мире Международный пушной аукцион в Санкт-Петербурге. Через него до 60-х

— Михаил Васильевич, расскажите, пожалуйста, как сегодня производятся закупки пушнины у охотников по сравнению с прошлыми годами?

— Российская пушнина, добываясь охотой, пользуется большим спросом у иностранных фирм; ее уникальность, разнообразие видов, высокое качество значительно выделялись по отношению к пушнине других стран. Даже при широком развитии клеточного пушного звероводства спрос на промысловую пушнину никогда не снижался. В годы Советской власти была создана широкая сеть заготовительных организаций, обеспечивающая прием пушнины даже из самых отдаленных районов страны. Через заготовительные организации Центросоюза производилась встречная торговля, кредитование и обеспечение всем необходимым охотхозяйств и охотников.

На пушно-меховых базах и в холодильниках концентрировалось пушно-меховое сырье, где обеспечивалось надлежащее хранение, качественная оценка по ГОСТам и прейскурантам со своевременной оплатой охотникам через заготовительные организации. Меховые базы и холодильники равномерно аккумулировали работу меховых фабрик и Международного пушного аукциона в Ленинграде в течение года с учетом спроса. Государство полностью кредитовало закупки пушно-мехового сырья. Однако с перестройкой 90-х гг. четко работающая система заготовок пушнины была ликвидирована.

В условиях свободного рынка заготовки пушнины демонополизировались. Но современный рынок не обеспечил охотнику тех условий для нормального промысла или работы, которые были

годов нашего столетия проходило более 90 % заготовляемой в России пушнины, значительную часть которой составляла пушнина промысловая, добываясь охотниками.

О нынешних проблемах заготовок пушнины наш корреспондент СЕРГЕЙ ГОГОЛЕВ попросил рассказать главного товароведа АО Московской пушно-меховой холодильник МИХЕЕВА МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА.

уже отложены ранее. Кто сейчас будет финансировать этот рынок? Кто будет выставлять встречный товар? Нет централизованных закупок на местах.

Реализация пушнины из охотхозяйств и прочего промыслового сырья в значительной мере не обеспечивается, особенно в глубинных районах. Сегодня каждое охотничье хозяйство выходит со своим товаром на рынок, увеличивая число продавцов в несколько раз, тем самым снижая стоимость товара. К тому же условий для хранения сырья на местах нет. Пушно-меховое сырье имеет остатки жира и другие загрязнения и при хранении в несоответствующих условиях теряет свое качество. А мех полуводных видов, таких, как ондатра, бобр, выдра, вообще очень требователен к условиям хранения. И никто, кроме работников холодильников, не может дать гарантию качественной переработки и хранения товара. Из-за непрофессионального подхода, бессознательности государство теряет валюту, а до охотника истинные деньги не доходят.

Дореволюционное купечество десятилетиями налаживало связи с промысловиками, много стоило вхождение в доверие, которое передавалось даже по наследству. Самим охотникам сегодня разъезжать по стране с пушниной дорого и опасно, вот и ждут нового купца «Громова», когда тот приплывет по «Угрюм-реке». Да и «Громовым» разъезды по России порой не по карману и опасны, ну а если приезжают долгожданные, то со стоимостью пушнины вычут небывалые накладные расходы, не забыв о своей прибыли. Рыночная торговля в России, особенно в отдаленных регионах, развивается в уродливых формах.

В ряде случаев в погоне за размерами шкурок сам охотник портит традиционную форму правки сырья на соболя. Специалисты знали, что соболь правится в «комочек», в «перчаточку» — была квадратная форма правки. Она обеспечивала сохранность цвета, делала мех более густым, пышным. Иностранные фирмы привыкли к этой форме правки шкурок баргузинского и якутского кряжей, только ее и признавали. А сейчас шкурку соболя вытягивают, как норку. Монопольно-криминальная

торговля искусственно поднимает цены, в нее не допускаются иногородцы с дешевым товаром. Это отражается на жизнедеятельности не только охотников, но и всего трудового населения. На сколько бы ни повышались дотации трудовым коллективам, рынок одновременно, чаще искусственно, накидывает цены.

— Остается ли добыча пушнины прибыльным делом?

— Для большинства населения районов Крайнего Севера и Сибири пушной промысел был и остается средством к существованию. Географическое расположение и природные ресурсы также имеют значение в самоокупаемости промысла пушнины. Транспортные расходы на вывоз и ввоз товаров дважды бьют по промысловикам глубинных районов — снижается цена на пушнину, дорожают товары потребления. До 90-х гг. охотники Севера получали госдотацию, и значительную.

— На что же можно надеяться охотникам-промысловикам?

— Вчерашие крупнейшие оптовые потребители и покупатели пушнины — меховые фабрики, пушно-меховые базы и «Союзпушнина» — вели работу через систему потребительской кооперации Роспотребсоюза. Это звено с десятками тысяч работников распалось.

Даже фабрики, базы и внешторг «Союзпушнина» не могут иметь разъездных представителей на всю Россию; охотхозяйствам страны следует объединяться в республиканские, краевые, областные структуры с хорошей базой комплектации пушнины и других товаров народного промысла. Одновременно необходимо овладеть оптовым рынком встречных товаров. Это позволит организовать аукционы-ярмарки пушнины. При наличии истинных цен одновременно будут стабилизироваться цены на встречные товары. При концентрации пушнины в центрах легче решать вопросы кредитования и подготовки пушнины для реализации на внешнем рынке.

— Изменились ли функции Московского пушно-мехового холодильника за последние годы?

— Московский пушно-меховой холодильник был построен перед револю-

охота

и охотничье хозяйство

3 1988

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

цией купцом Михайловым. Это 9-этажное здание, специально оборудованное холодильными установками с пробковой изоляцией помещений для хранения пушнины. Здесь концентрируется в основном дорогостоящая пушнина, получаемая через систему заготовок. Высококвалифицированные специалисты-практики оценивают и подбирают пушнину, при необходимости дорабатывают перед отгрузкой ее на международные аукционы, а также обеспечивают сырьем меховые фабрики страны.

Когда-то мы имели по 200 тыс. соболей в год. Делали красивые наборы и получали за них высокие цены. Сейчас мы практически этого сделать не можем из-за отсутствия концентрации товара в одних руках. Например, соболь — наш основной экспортный вид. Его трудно подобрать из-за растянутости расцветки, высоты волоса, седины, размера. Чтобы составить один лот (набор) из 100 шкурок соболя, естественного по цвету — без подкрашивания, одного кряжа, надо иметь в одних руках 4—5 тысяч шкурок. Пушно-меховой холодильник одновременно является школой подготовки специалистов-меховиков, получающих здесь практический опыт в изучении большого разнообразия видов и качества пушнины. Все основывалось на правильности применения ГОСТов. После 90-х гг. холодильник был преобразован в АО с выполнением тех же традиционных работ с пушниной. Закупки, конечно, значительно сократились, но удержаться на плаву помогло расширение сферы деятельности, ввод скорняжно-пошивочного цеха, шапочного, трикотажного, открытие своего магазина, и, конечно, нельзя снимать со счетов высокую квалификацию специалистов и руководителей. На международных аукционах пушнина нашего холодильника оценивается значительно выше аналогичной пушнины, подготовленной другими поставщиками. Значительный объем закупаемого нами пушно-мехового сырья, помимо промысловой пушнины, составляет пушнина клеточного разведения и карауль.

В настоящее время мы продолжаем вести большую работу с охотничими хозяйствами, по возможности организуем закупку и поставку встречных товаров. Ежегодно своим клиентам направляем письма и предложения по ценам на пушнину, исходя из последних международных цен, установленных на аукционах, и внутри российских цен. Наряду с закупкой пушнины холодильник для крупных поставщиков производит экспортную подготовку пушнины необезличенно по поставщикам с реализацией ее на Санкт-Петербургских пушных международных аукционах. Взимаемый процент за эту работу и расходы, с ней связанные, значительно окупаются за счет высококвалифицированной сортировки и подборки пушнины.

ИСТОРИЯ БОЛИ И ГЕРОИЗМА

В. БОРЕЙКО

Скорбный список деятелей охраны природы и заповедного дела СССР, репрессированных в 20—50-е годы

Борис Евгеньевич РАЙКОВ

Б. Е. Райков родился 21 сентября 1880 г. в Москве, в семье военного врача. В 1899 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Однако в 1902 г. за участие в студенческих волнениях был исключен и выслан в Олонецкую губернию. В 1903 г. — вторично арестован и выслан. В 1905 г. Райков успешно сдал выпускные экзамены экстерном в Петербургском университете и начал преподавать в школе. С 1913 по 1920 г. Борис Евгеньевич преподавал в Петроградском Психоневрологическом институте.

В 1907 г. Райков стал секретарем Общества распространения естественнонаучного образования (ОРЕО), а с 1921 по 1930 г. — его председателем. Эта организация, созданная в Петербурге и имевшая филиалы в других городах, вскоре стала своего рода центром по подготовке педагогов-естественников. В 1923 г. Борис Евгеньевич провел в Ленинграде первую Всероссийскую конференцию естественников; основал в 1924 г. Ленинградскую педагогическую станцию, редактировал журналы «Живая природа» и «Естествознание в школе», в которых публиковал и свои статьи по охране природы.

Жизнь Райкова была ненормальной от преподавания школьной биологии, природоохранного образования. Однако с середины 20-х гг. Государственный научный совет (ГУС) Наркомпроса начал перестройку школьных программ. Многие предметы, например естествознание, отменялись, вместо них под видом «политехнизации» вводилась агрономия.

Естественно, многие педагоги восстали против очередного «творчества Наркомпроса». Райков вспоминал: «Дожив до 45 лет и издержав полжизни на борьбу за натуралистическое просвеще-

ние, я не мог оставаться равнодушным к тому, что делалось во второй половине 20-х годов на педагогическом фронте... Не только мои личные чувства, но и мой гражданский долг обязывали меня выступить против того, что творилось в Москве под видом обновления школы. И я выступил».

Позицию Райкова поддерживал Ленинградский народный, руководимый женой Зиновьева — Лилией, а также и известные педагоги К. П. Ягодовский, С. В. Герд, С. Д. Лавров.

В «Живой природе», «Естествознании в школе» все чаще стали появляться заметки, критиковавшие наркомпросские нововведения.

Борис Евгеньевич так объяснял свою позицию: «...мы глубоко верим в образовательную и воспитательную силу знания, в частности, естественных наук. Мы никак не можем встать на такую узкую точку зрения, что изучение природы в школе имеет основной целью лишь использование ее богатств для нужд человека. Изучение природы в школе нужно прежде всего для формирования личности человека, а поэтому оно имеет огромную педагогическую ценность».

* Продолжение. Начало см. в № 4—9. 1995; № 2. 1996

... Но уже не смешно, а прямо преступно для педагога, занявшись вплотную учетом носкости курс и удойности коров, упустить из виду, что естествознание — это прежде всего культура ума, а не одно лишь средство к благоденственному житию».

Однако неверным было считать, что «райковцы», как окрестили однодумцев Райкова чиновники от педагогики, выступили только против школьных программ. Они критиковали желание комсомола и Наркомпроса «руководить» движением юных натуралистов, боролись с монополизацией преподавания, словом, с целой системой трудовой школы, которую позже академик Дмитрий Сергеевич Лихачев назвал «глубочайшей ошибкой».

Ленинградцы настаивали на введении предмета «Охрана природы» в практику школы, предлагали создать во всех отдельах Народного бюро по охране природы. Они считали, что охранять природу нужно не только ради ее «службы социалистическому хозяйству», а прежде всего потому, что она прекрасна.

В конце января 1929 г. в Москве собралась Всероссийская конференция преподавателей-естественников. Официальная задача — обсудить строительство новой школы, проблемы преподавания естествознания.

Ленинградцы, еще втайне надеясь на торжество разума, пытались доказать свое право на истину руководству Наркомпроса. Однако вышло по-иному.

После доклада Луначарского, коснувшегося общих вопросов, на трибуну ринулась «рат» заранее подготовленных обличителей «ленинградского направления». Особенно свирепствовал педагог из Москвы — Всесвятский.

Сторонникам Райкова на время удалось переломить ход конференции. Они распространяли декларацию со своей платформой. Борис Евгеньевич выступил с блестательным докладом.

Но их противники бросили в ход «тяжелую артиллерию» — на этот раз сам Луначарский подверг критике позицию ленинградцев. Правда, в отличие от тирад Всесвятского, выступление наркома не пахло 58-й статьей. Тем не менее спорить с ним уже никто не решался. Защищал Райкова открыто, не убоявшись последствий, всего один участник конференции — Жигульский.

Конференция практически единогласно заклеймила платформу ленинградцев как «контрреволюционную».

Оргвыводы не заставили себя ждать. Цензура моментально прикрыла «Живую природу» и «Естествознание в школе»; в типографии рассыпали уже подготовленную к набору книгу Райкова — «Пути и методы натуралистического просвещения». Ленинградский народный образ заставил Бориса Евгеньевича оставить Ленинградскую пединституцию, распустил ОРО. Фамилия Райкова стала притчей во всех педагогических языках. Его поливали грязью даже собственные студенты из пединститута им.

Герцена, правда в основном те, кто учился у него на двойки.

Познал Борис Евгеньевич и «поход в печати со всеми последствиями». «Учительская газета», «Ленинградская правда», «Красная газета», «За коммунистическое воспитание», «Естествознание в советской школе», «На фронте коммунистического просвещения», «Коммунистическая революция», «Турист-активист» — обрушили шквал карающего огня и были не один год.

Чего стоили одни заголовки: «На борьбу с вредительством в советской школе», «Вредительское звено в подготовке кадров», «Райковщина и политизация школы», «Райковщина — как реакционное направление в школьном естествознании».

К травле Бориса Евгеньевича подключился и небезызвестный Презент.

Весной 1930 г. в ГПУ срочно заканчивали просмотр недавно поступившего к ним «дела» Райкова, представляемого собой список выдернутых цитат из статей и выступлений профессора. Донес убедил «гэпушников», что «райковцы» не из педагогических соображений, в ради подрыва Советской власти критиковали школьные программы.

Арестовали Бориса Евгеньевича в ночь с 30 на 31 мая 1930 г. Вместе с ним за решетку попали еще 11 педагогов — все, кто не предал Райкова, не отступил от него в тяжелые дни.

Ученый держался твердо: не оговрил ни себя, ни соратников, не подписал ни одного протокола, не «сознался» ни в «монархических разговорах на квартирах академиков Ольденбурга и Ферсмана», ни в связи с «заграничным центром». За что был надолго лишен прогулок, сменного белья, медпомощи (а у него прогрессировала «куриная слепота»).

На все его претензии и жалобы следовал невозумный ответ следователя: «ГПУ сажает не для того, чтобы оправдывать, а для того, чтобы обвинять».

Остались без ответа и письма к Луначарскому. Дочь Райкова добилась приема у Крыленко, но тот чуть было не выгнал ее из кабинета.

Следствие тянулось 9 месяцев. В итоге профессор Райков за критику учебных программ Наркомпроса 18 февраля 1931 г. получил столько же, сколько в те годы давали за преднамеренное убийство, — 10 лет. Его однодумцы — от 3 до 5.

Срок Борис Евгеньевич отбывал в лагерях ОГПУ на Беломор-канале. За

хорошую работу его досрочно освободили в марте 1934 г.

Борис Евгеньевич, еще по работе в ОРО, хорошо был знаком с ботаником В. Л. Комаровым. В конце 30-х гг. Владимир Леонтьевич возглавлял Союзную Академию наук. Он предложил Райкову написать ходатайство на имя Молотова и лично передал прошение, высказав свою убежденность в невиновности профессора.

Молотов дал указание разобраться. 13 августа 1940 г. судимость со всеми ограничениями была снята с опального профессора.

Грянула августовская 1948 года сессия ВАСХНИЛ. Избиение, которое началось в биологической науке, представляло прекрасный предлог для того, чтобы нанести Райкову такой удар, после которого он бы уже не поднялся. Борис Евгеньевич никогда не занимался генетикой, но не без «помощи» Презента его тоже вписали в «черный список».

А дальше все шло по хорошо знакомому пути: увольнение со всех постов, разнужданная кампания в печати, в тече «Ленинградской правде», «Биологии в школе», «Учителской газете». Подключились и «Вечерний Ленинград» и «Литературная газета». Обвинения были демагогические, давно обкатанные, типа «игнорировал все руководящие указания Ленина».

Были запрещены книги Райкова — «Методика преподавания естествознания» и «Очерки по истории эволюционной идеи в России до Дарвина».

Свою роль сыграли и доносы, которые организовывались не без участия Всесвятского. Так, в его личном фонде я обнаружил копию письма в ЦК ВКП(б) преподавателя Казанского пединститута В. Федоровой, которая обвиняла Б. Е. Райкова как «активного проводника правого оппортунизма в школьном естествознании». После 1948 г. Борис Евгеньевич находился на пенсии, готовил к изданию свои книги.

Умер Борис Евгеньевич Райков 1 августа 1966 г. в поселке Лисий Нос Ленинградской области. Реабилитирован 30 марта 1990 г.

ФОТОКОНКУРС «ОХОТА И ПРИРОДА» — 1996

Редакция журнала
«Охота и охотничье хозяйство»
проводит фотоконкурс
«Охота и природа» — 1996.

Подробную информацию
о фотоконкурсе см. в № 1, 1996.

**ЗАПЧАСТИ
для всех марок
отечественных мотоциклов
и снегоходов «Рысь»
Высылаем
наложенным платежом:
107258, Москва, а/я 19**

ИНФОРМАЦИЯ ИЗ ГАЗЕТ

«СЕГОДНЯ» «ИЗВЕСТИЯ»

ЭВЕНКИЙСКИЕ ОХОТНИКИ ПИШУТ ПИСЬМО БРЮССЕЛЬСКИМ КОМИССАРАМ

Законодательное собрание (Суглан) эвенкийской автономии и местная ассоциация малочисленных народов «Арун» направили послание в Брюссель в Комиссию Европейского союза с просьбой не вводить эмбарго на импорт пушнины в страны Сообщества из Эвенкии. В послании подчеркивается, что добыча соболя — основная статья доходов эвенков, якутов, кето, проживающих в Эвенкийском округе.

Дело в том, что с 1 января по решению Европейского союза начинают действовать жесткие ограничения импорта в страны Сообщества многих видов пушнины. Специальный регламент ЕС, в частности, запрещает ввоз натуральных мехов, которые получены с помощью ногозахватывающих капканов. Охотники заверили в послании, что «капканные» требования ЕС будут соблюдаться.

Независимо от того, как ответит ЕС, наступает, по всей видимости, закат эвенкийской охотничьей культуры, восходящей к глубокой древности. Вековой образ жизни тунгусов, как раньше называли эвенков, дедовские промыслы сегодня стали просто нерентабельными. Даже пушнина — последняя надежда и опора северных охотников — затрат на ее добывчу уже не оправдывает. Да и просто добраться до промысловых пушных зверей эвенкам все проблематичней.

Для заброски охотников в тайгу, что прежде осуществлялось вертолетами, абсолютно нет денег.

Системы продажи аборигенами мехов, как, впрочем, и оленеводы, рыбы, по сути нет уже несколько лет.

Сдача государству, например, соболя сократилась в десятки раз, бюджет недополучает большие деньги, авторитет сибирской пушнины падает из-за выхода на международный рынок множества непрофессиональных посредников. Как следствие, падает и цена.

Безусловно, ногозахватывающий капкан — это антигуманное орудие ловли животных (если вообще можно рассуждать о какой-то гуманности применительно к охоте). Спору нет, в России такие капканы используются. Но эвенки всегда практиковали главным образом активный промысел пушного зверя.

Но все эти нюансы не отразились на действиях ЕС. И в самое ближайшее время решение Брюсселя отзовется в чумах на Среднесибирском плоскогорье новыми бедами.

А пока в Европе борются против ногозахватывающих капканов, на севере Азии озабочены проблемами выживания. Тихая этническая катастрофа в Сибири идет своим чередом.

В 80-е годы численность эвенков сократилась на 30 %. В 89-м их оставалось чуть больше 30 тысяч. Это во всем СССР. Непосредственно в Эвенкийском округе с 89-го по 94-й численность постоянного населения снизилась на 7,1 %. Кстати, из опрошенных только 46 % считают родным язык своей национальности.

Уровень жизни эвенков опустился до уровня 20-х годов этого века. Сначала олениные люди (так раньше называли эвенков) были оторваны от оленей — каркаса, стержня их жизни. Оленеводство, по всей вероятности, вскоре перестанет существовать как отрасль, как род занятий и станет хобби, уделом немногих.

Разумеется, сама северная фауна торжествует. Песцы скоро будут бегать по деревням вместе с собаками. Было время, когда омуль на Таймыре почти исчез. Сегодня его — пруд пруди. Таймырская популяция диких оленей — и раньше самая большая в мире — выросла еще. В Хатанге говорят, что скоро «дикарей» начнет косить «копытка» и «сибирка» — на территории района есть очаги сибирской язвы с 10-х до 70-х годов нашего столетия. Словом, природа саморегулируется. Люди же, живущие на Севере, — в прострации.

Сибирский Север — это кладовая природных богатств, будущее России. Сибирские меха — это мягкая валюта, экспорт пушнины — гордость России. Наверное, такие слова произносят северные начальники, убеждая Москву не отступать с Севера. Но сколько людей должно жить там, кто именно должен уехать, какие производства необходимы? Как обустроить жизнь аборигенов, сделать их промыслы эффективными? За чей счет? Кому и как, наконец, лоббировать их интересы в международных организациях?

Красноярский край
Алексей ТАРАСОВ

Байкальский ЦБК все-таки будет перепрофилирован

18 октября в Иркутске прошло заседание правительственной комиссии, рассматривавшей вопрос о дальнейшей судьбе Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК). Комиссия должна была выбрать один из двух возможных вариантов: модернизация производства целлюлозы или полное перепрофилирование комбината. Как сообщил член комиссии, директор Лимнологического института СО РАН Михаил Грачев, комиссия отвергла возможность модернизации БЦБК.

Накануне заседания правительственной комиссии было распространено

обращение, подписанное «Гринпис России» и четырьмя иркутскими общественными организациями. По мнению академика Григория Галазия, «обращение общественности сыграло свою роль в снятии с повестки дня вопроса о модернизации БЦБК». Но экологи не торопятся праздновать победу: перепрофилирование БЦБК может затянуться не на один год, и все это время комбинат будет продолжать загрязнять воду и воздух байкальского региона.

Дискуссия о будущем комбината идет давно. Экологи требуют полного прекращения варки целлюлозы на берегу Байкала. Принимались на этот счет и правительственные постановления — как СССР, так и России. Последнее из них, предусматривавшее перепрофилирование комбината, было принято Со-

вмимом России 2 января 1992 года. Срок его выполнения истекает в декабре 1995 года, но реальных проектов перепрофилирования нет до сих пор. Решение проблемы усложняется и проведенным в 1993 году акционированием комбината. Что же касается штрафов и отчислений на природоохранные нужды, которые должны компенсировать нанесенный комбинатом ущерб (в 1994 году они составили 1,5 трлн рублей, в этом обещают достигнуть 2,5 трлн), то БЦБК их просто не платит. Экологи предлагают провести международную экспертизу, которая оценила бы не только влияние комбината на экологию озера, но и его экономическую деятельность в целом.

Вадим КАНТОР

ИНФОРМАЦИЯ ИЗ ГАЗЕТ

«СЕГОДНЯ» «ИЗВЕСТИЯ»

В Петербурге возбуждено уголовное дело против норвежских экологов

Следственная служба Петербургского управления ФСБ возбудила уголовное дело по факту разглашения сведений, составляющих государственную тайну. В ходе расследования произведены обыски в Санкт-Петербурге и мурманском представительстве норвежской экологической организации «Беллун», а также по месту жительства ее сотрудников — российских граждан. Обнаружены и изъяты материалы, содержащие секретную информацию по Северному военно-морскому флоту. Устанавливается круг лиц, причастных к разглашению таких сведений Сергей Краюхин.

Соколиная охота на службе у пилотов

В варшавском аэропорту Окенче введена должность сокольничего. Занимающий ее Гжегож Дзик ухаживает за четырьмя хищниками, а его подопечные соколы честно отрабатывают свой хлеб, отгоняя других пернатых от взлетно-посадочной полосы и тем самым препятствуя опасным столкновениям птиц с самолетами. Случаи таких столкновений регистрируются все чаще в различных странах, особенно в периоды массовой миграции птиц, и нередко приводят к серьезным катастрофам. Расселение хищных птиц в аэропортах — один из наиболее эффективных методов отпугивания пернатых.

Фото Рейтер

Охотник нашел в тайге 60 кг золота, пропавших в прошлом году

60 кг золота и остатки восьмерых людей, пропавших год назад при автранспортировке драгоценного металла, нашел в Селемджинском районе Амурской области охотившийся в тайге местный житель. Об этом сообщил во вторник Интерфаксу бывший глава администрации Амурской области Владимир Полеванов. По его словам, эту информацию он получил во вторник по телефону от руководителя ГУВД области генерала Алексея Волкова.

В интервью В. Полеванов сообщил, что вертолет Ми-2, на борту которого находились 8 человек и 60 кг золота, исчез 30 октября 1994 года. По его словам, на поиск людей и груза было направлено 8 вертолетов, которые в течение двух недель почти постоянно находились в воздухе. Пропавший вертолет найти не удалось. Безуспешными оказались и повторные поиски, организованные весной этого года. Со ссылкой на ГУВД области В. Полеванов сообщил, что сейчас груз находится под охраной местной милиции. В среду утром на место аварии из Благовещенска вылетает специальная группа сотрудников МВД. По предварительным данным, вертолет разбился из-за резко ухудшившихся метеоусловий.

Священные птицы не вынесли городской грязи

С середины лета до середины осени в окрестностях города Кум, расположенного в 130 км к юго-западу от Тегерана, зимуют орлы. Поскольку места эти считаются священными, птицы стали здесь предметом особого почитания. Поэтому, когда в последнее время около 10 орлов погибли, местные жители были всерьез напуганы. Представители регионального агентства по охране окружающей среды полагают, что причина смерти священных птиц вполне прозаична. Они были отравлены в результате скопления в этом регионе промышленных отходов и городского мусора, содержащего ядовитые вещества.

С ружьишком бродить можно, а капкан не ставь

Вожди индейских племен, населяющих Канаду, сформировали делегацию, которая направилась в Брюссель для переговоров с исполнительными органами Европейского союза. Делегация намечает также встречи с представителями ряда европейских стран и папой римским. Цель этих переговоров — обратить внимание на тяжкую судьбу 40 тысяч охотников-aborигенов, которых постигли их после того, как Европейский союз введет в действие запрет на импорт из Канады мехов и шкурок пушных зверей, пойманных капканами.

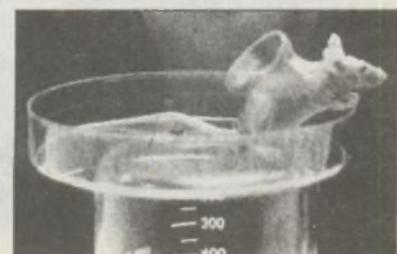
Принимая это решение, ЕС ссылался на необходимость запрещения особо жестоких видов охоты. Однако индейские вожди утверждают, что вовсе не в этом дело: 13 видов пушных зверей, о которых речь идет в решении ЕС, обитают только в Канаде и в России. Под этот запрет не подпадает ни один из видов западноевропейских пушных зверей, которых тоже добывают капканами, но куда более жесткими, чем канадские ловушки. В Западную Европу идет три четверти канадского экспорта мехов, что приносит Канаде примерно 22-26 миллионов американских долларов ежегодно.

Рейтер

Мышь-длинное ухо

Трансплантационная хирургия делает чудеса, а в сочетании с «инженерией органов» и вовсе способна удивить.

В одной из американских лабораторий удалось вырастить ухо и вживить его в спину подопытной мыши. Понятно, это не орган слуха, а всего лишь ушная раковина, но, как говорится, лиха беда — начало. Ученые утверждают, что животное будет жить обычной своей мышкой жизнью и после того, как этот необычный нарост удалят.

Фотоконкурс
«Охота и природа» — 1-1995

ГОРНОСТАЙ

«НАУЧНАЯ
ФОТОГРАФИЯ»

Горностай (слева направо): новорожденный,
5, 10, 15, 20 дней. Внизу — взрослая самка.

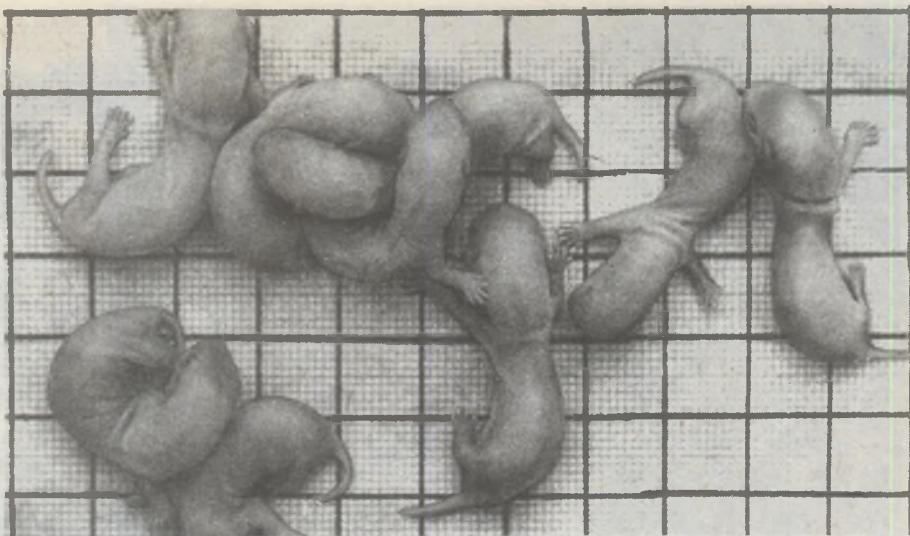

Спаривание 25-дневной самки (в период молочного питания, еще глухой, слепой и передвигающейся ползком) со взрослым самцом.

Горностай — хищник из семейства куницеобразных — широко распространён по земному шару. Его ареал охватывает обширные пространства Евразии и Америки. Заселяет он разнообразные ландшафтно-географические зоны. Оптимальное местообитание горностая — лесостепная зона. В Барабинской лесостепи он самый многочисленный представитель семейства. Недаром эту степь называют горностаевой. В лесотундре численность горностая может быть высокой в кормные годы. Высокую численность популяций обеспечивает феноменальное, раннее, половое созревание самок горностая, неизвестное для других высших млекопитающих. Детёныш уже в 17-дневном возрасте способен оплодотвориться.

Автор текста и фотографий
Д. В. ТЕРНОВСКИЙ

Новорождённые появляются на свет после длительной беременности (224—393 дня), когда юная самка достигает размера взрослой особи.

Выводок 37-дневных горностаев. Прорезают малыши начиная с 30 до 42 дней.

Осенняя линька однопометников происходит неравномерно. На снимке виден летний, коричневый, переходящий в зимний, белоснежный меховой покров. Он славится как королевский мех.

Вадим ЧЕРНЫШЕВ
Фото В. Ускова

РОССИЯ ЮРИЯ

Юрий Коваль родился и жил в Москве, и был, в общем, человеком городским. Я с болью пишу слово «был», так плохо применимое к Юре, потому что в августе прошлого, 95-го года, его не стало. В это трудно верилось тогда, не верится и сейчас. Ему шёл всего 58-й год. Он был моим другом, а друзей терять тяжело, с ними уходит часть своей жизни. Юра был человеком весёлым, общительным, друзей у него было немало, и с ним ушло многое. И у многих.

Друзей у него было больше, чем он думал, потому что читатели, полюбившие его добрые и светлые, весёлые книжки, широко разошедшиеся по стране и за рубежом, становились тоже заочными друзьями писателя. Я сам знаю таких, которые, прочитав книжки Юрия Ковалия, определяют им место на той особой, заветной полке, где хранятся самые дорогие и близкие сердцу книги. Те, что стали друзьями.

Творчество любого писателя особенно интересно, если оно, наряду с его художественными достоинствами, отражает время, характер, языки, умонастроения и обычаи людей-современников, даёт представление о земле, где живут эти люди и живёт сам писатель.

Книги Юрия Ковалия адресованы, в основном, детям. Он сам считал себя детским писателем и этим гордился. Наверное, потому, что очень серьезно относился к своему писательскому делу и к детской литературе вообще. Но эта серьезность не чувствуется, когда читаешь его книжки: кажется, что написаны они легко, в один присест, играющи. Такое ощущение невымученности и непринужденности — верный признак талантливости любого произведения подлинного искусства.

Однако прозу Ковалия с удовольствием читают и взрослые. То, что книга равно захватывает и малого, и старого — еще одно несомненное подтверж-

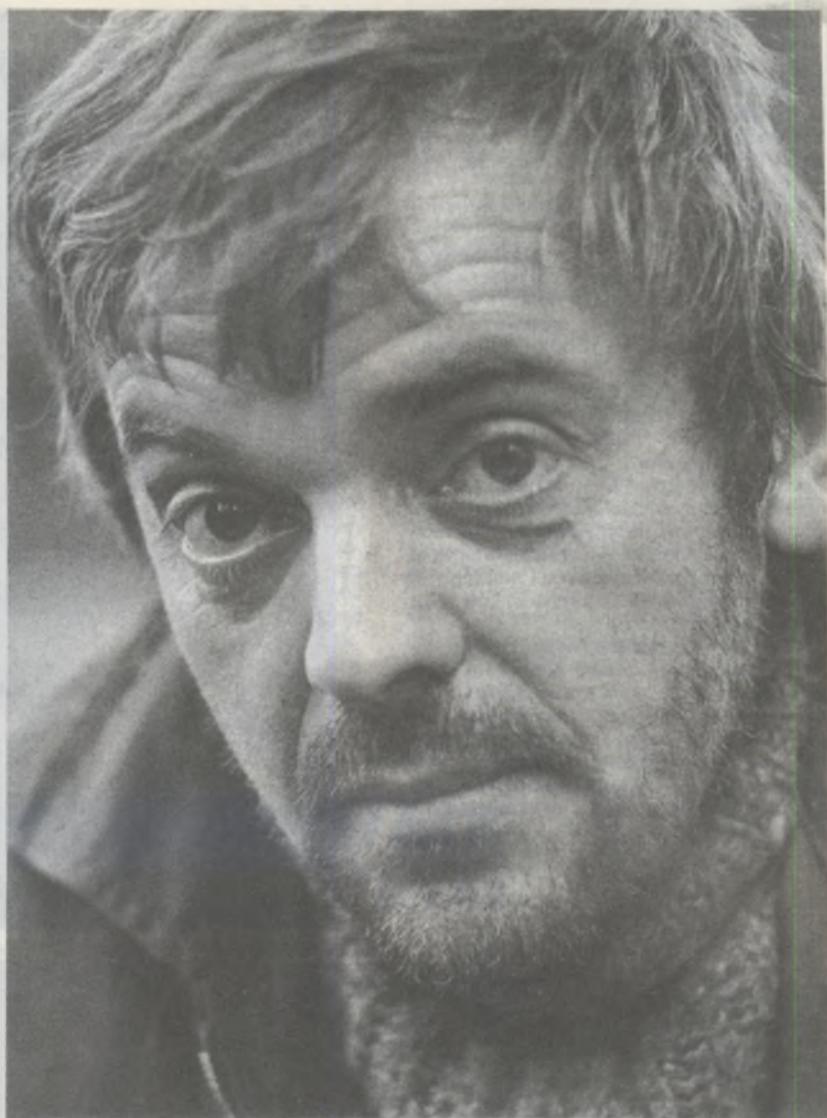
ждение ее талантливости. Читателям всех возрастов нравятся мягкий юмор его книг, образный язык, любовно выписанные герои — деревенские ста-рушки Пантелеевна и Орехьевна, дядя Зуй, первоклашка Нюрка, мальчишки братья Моховы... В качестве главных лиц действуют и животные: «картофельная собака» Тузик, пограничный пес Алый, подросток-песец Недопесок, клест Капитан Клюквин, кошка Шамайка, выжловка Найда, лайка Кукла... И не только эти, целый ряд других.

Юра знал и любил природу — не вообще, не отвлеченно как дачник — ее проявления, приметы и характер обрисованы в книгах детально и достоверно, с поименным перечислением трав, деревьев и звезд, рыб, зверей и птиц, она предстает как самостоятельный персонаж. Так же конкретно указано во многих рассказах и место действия: вологодская лесная деревенька Чистый Дор, речки Северного Урала Вишера и

Вёлс, южная граница страны в горах, среднерусские края... Все вместе это выстраивает образ России с ее соловьевыми зорями, светлыми речками, тихими деревнями, населенными добрыми, порой чудаковатыми, симпатичными людьми — Россия Юрия Ковалия... Этим-то, наверное, и интересны книги Юрия Ковалия читателям независимо от их возраста. Откуда бы знать такое ему, горожанину, москвичу?

Он был непоседлив, часто покидал Москву. Но ездить ведь можно всяко, любой член Союза писателей, пока этот Союз не распался и не обнищал от нынешних реформ, был вправе хоть раз в год взять творческую командировку, чтобы узнать поближе то, о чём он задумал писать. Только — многое ли увидишь, перемахнув на самолёте или на поезде за тысячи километров, познаешь ли за время командировки, живя в гостинице, душу человека и особенностя тех дальних краев?

Подобного рода поездки мало прельщали Юру. Зато он любил побродяжничать с ружьем и с удочками. Он был охотник и рыбак. Пример жизни и творчества Юрия Ковалия позволяет утверждать, как благодатно сказываются на художнической деятельности такие увлечения, как охота и рыбалка, по-настоящему сближающие творческого человека с природой, с близкими ей людьми. Его охотничья и рыбакская страсть не была всепоглощающей, диктующей как жить — ее было отпущено ему судьбой столько, сколько нужно, чтобы мир обрёл краски и запахи, чтобы все это нашло отражение в его творчестве. Юра был не только писателем — он рисовал, профессионально владел кистью художника, резал по дереву, лепил; раз-

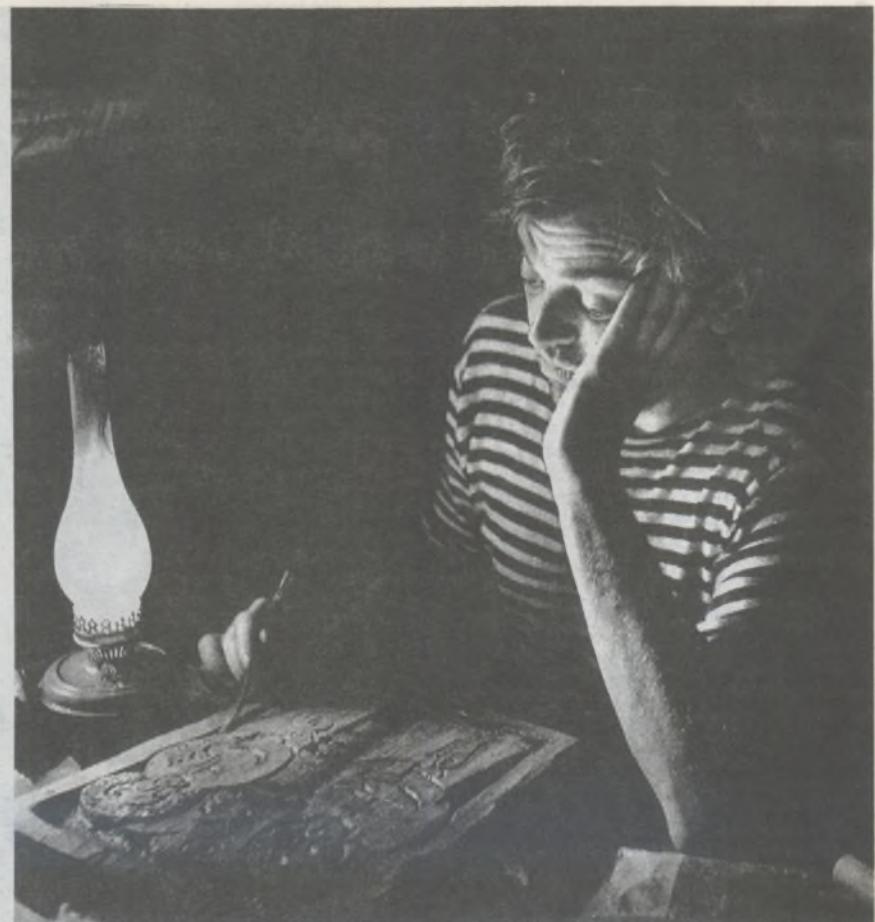
КОВАЛЯ

носторонне одаренный, он был Художником в самом широком, истинном смысле этого слова. Во время поездок в его нехитром багаже вместе с ружьем и удочками всегда находились альбом с фломастерами и тетрадь — в них он зарисовывал и записывал все то, что затронуло его душу.

Чтобы отдаться без оглядки охоте и рыбалке, ближе познать природу, характер и жизнь людей, становившихся впоследствии героями его рассказов, Юра старался подольше пожить в полюбившейся деревне, занять там «базу», он уезжал из города и неделями, а то и месяцами жил на Цыпиной Горе, рядом с Ферапонтовым монастырем на Вологодчине, на речке Нерли неподалеку от старинного волжского городка Калязина... Ему нравилось заезжать к себе друзей, показывать ставшие родными, «самые удивительные» в мире места, он не упускал случая побывать и в их краях — на Приполярном Урале, в тверской деревне Глебцово, в деревнях приятелей-художников под Переславлем...

Так мы отправились когда-то в «моё» Заонежье. Ехали своим ходом не спеша, таборились, где приглянется — у оконицы ладожской рыбакской деревушки, на берегах озер. Любовались живописной дорогой, открывавшимися видами, подолгу сидели у костра — на дворе стоял октябрь, ночи стали длин-

нее дня, рано темнело. Юра раскрывал этюдник, делал наброски, Витя Усков щелкал фотоаппаратом. Пытались по пути рыбачить — неудачно, но нас это не огорчало: разве рыбалка такое дурацкое дело, чтобы походя забрасывать где попало снасть и тут же таскать рыбу?!

Отвели душеньку уже на месте, в Заонежье, на Хрылях, глухом, редкостной красоты озере километрах в восьми от дома. Теперь я «угощал» Юру и Витю красотами Заонежья. Рыбаки умостились на уступах высокой, обросшей мхом и лишайниками скалы, передвинули повыше поплавки, закинули удочки — и началась веселая рыбакская работа! Стоявшие в бездне темной, неподвижной воды непуганые окунь жадно набрасывались на червей-навозников. За настырный нрав окуней заонежские рыбаки зовут их «урядниками». Черные и страшные, будто из преследней, урядники один за другим шлепались в пружинистый мох. Рыбак от слуха к слуху, всегда предпочитавший удочки ружье, я только снимал выброшенных урядников с крючка. Мне больше нравилось глядеть на ловлю со стороны. Когда клев идет бойко, смот-

реть на рыбаков так же интересно, как ловить самому — недаром на городских набережных за спинами удачливых удильщиков всегда набирается кучка деликатно помалкивающих болельщиков-зевак.

На удочках было по паре крючков, окунь частенько одновременно заглатывали оба.

— Звездный час, Ви-тя! — восклицал Юра, выхватывая такой очередной «дубль». — Вот он, наш звездный час!

Ранние осенние сумерки вынудили рыбаков смотреть удочки, дорога-то к дому была неблизкой...

Юра неплохо и стрелял. Любил тягу, ждал весну, чтобы провести апрельский вечер в лесу с ружьем в руках. Тяга — единственная из охот, доступная москвичу, связанному городскими делами. Не раз мы с Юрай выезжали вместе так, чтобы за полночь вернуться домой. Подмосковный настеганный вальдшнеп тянет поздно, стрельба по нему не так-то проста, но без добычи Юра бывал редко.

При поездке в Заонежье он ружье не брал. Когда мы однажды проходили рыбачиными местами, я дал ему свое. Ни в одном наставлении по охоте на

рябчиков не существует указаний, как стрелять их на вылетку — в них подробно описывается, как разглядеть севшую на дерево, мастерски запрятавшуюся птицу, как подойти к ней на выстрел. Но Юра либо не читал подобных брошюр, либо пренебрёг их советами. Поднялся, загремел рябец, мелькнул над тропкой, и Юра, не дав ему сесть, навскидку выстрелил вдогон. «Соскучился по стрельбе, решил испробовать ружьё», — подумалось мне. Но рябчик упал. И Пыж, моя западносибирская лайка, кинулся к нему, указал место падения птицы.

Доводилось охотиться с Юрай и на его Вологодчине. Стоял сентябрь, из окон его избы на Цыпиной Горе открывались завораживающие дали разноцветных, «в багрец и золото» одетых лесов. Иногда мы бродили по ним вместе, но чаще расходились: у него были свои постоянные, излюбленные места, мне же в новых краях хотелось познакомиться с окружной пошире. Под вечер собирались в избе, обменивались впечатлениями, сравнивали добчу. Это было великолепное время бодрой ходьбы по тихим, роняющим листву лесам, посвежевшего осеннего воздуха, вы-

светлевшейся перед скрым ледоставом воды, близкого над горой, усеянного звездами неба, скромных вечерних застолий и чаепитий под гитару — Юра хорошо играл и не расставался с нею. Время уединенного мужского братства: художники Лева Лебедев и Витя Усков — один ювелир, другой фотограф, Юра Коваль и автор этих строк... В дневнике Юры оно измельчалось особыми, не календарными днями: День Серой утки, День Косача, День Четырех рябчиков, День Пустого ягдтеша.

На вездеходике-луазе, приобретенном на паях Левой и Юрай, мы в один из дней обхажали знакомые по книжкам края, добрались по осенним хлябям дорожным до лесной деревеньки Чистый Дор.

Да, рано оборвалась Юрина жизнь, его писательская стезя. Он был еще полон сил и замыслов, и как художник немало мог сделать в литературе, в искусстве.

Но многое и сделано. Остались его книги, осталась в них страна, родившаяся в его охотничьих и рыбакских скиданиях, Россия Юрия Ковала. А им — жить да жить.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЛЕТЫ ОХОТНИКОВ

Выставки и ярмарки уже давно утвердились в межгосударственной жизни как ускоритель экономического развития. Именно в период их проведения участники определяют свою стратегию на ближайшее будущее. Здесь рождаются с учетом спроса объемы производства и услуг. Выставки-ярмарки — это самая действенная реклама, установление прямых связей, непосредственное общение с производителями и потребителями. Это взаимовыгодные контракты.

В нашем охотничьем мире ежегодно проводится около тридцати зарубежных международных выставок-ярмарок. Из года в год даты сохраняются с колебанием в несколько дней. Вот наиболее представительные из них:

11—14 января	Даллас, США
30 января — 4 февраля	Дортмунд, ФРГ
9—11 февраля	Грац, Австрия
22—25 февраля	Висбаден, ФРГ
23—25 февраля	Инсбрук, Австрия
8—11 марта	Нюрнберг, ФРГ
11—14 апреля	Осло, Норвегия
12—14 апреля	Золлентуна, Швеция
25—28 апреля	Братислава, Словакия
Март	Валенсия, Испания
15 августа — 8 сентября	Будапешт, Венгрия
11—13 октября	Паарен/Глиен, ФРГ
23—26 октября	Прага, Чехия
23—27 октября	Пловдив, Болгария
20—24 ноября	Ганновер, ФРГ

Раз в два года проводятся следующие выставки:

25—28 января	Вена, Австрия
25—28 апреля	Ольденбург, ФРГ
29 апреля — 5 мая	Эрдинг, ФРГ
3—5 мая	Гент, Бельгия
8—11 мая	Йонкoping, Швеция

Все выставки собирают огромное количество посетителей, привлекаемых не только разнообразием выставленного товара, который можно здесь же и купить по выгодным ценам, но и самим духом праздничного настроя. Вот, например, в 1995 г. на стенах Дортмундской выставки было представлено 280 немецких фирм, и 81 зарубежная, которые предлагали одежду, обувь, ружья, оптику, боеприпасы, луки, лодки, ножи, литературу, значки, капканы, удочки, спиннинги, крючки, блесны, трофеи, картины, автомобили повышенной проходимости, все для собак и еще 88 наименований групп и услуг, а также охотничьи и рыболовные туры по всему миру. К этому следует добавить насыщенную программу выставок собак с участием 2000 активных охотников, рожковые концерты, форум рыболовов, демонстрацию ловчих птиц, и многое другое. На выставке в Нюрнберге в этом же году участвовало 238 немецких и 463 зарубежные фирмы. Но «пальма первенства» по числу участников принадлежит американцам — 1214 местных и 136 зарубежных фирм.

Для поездки необходимо заблаговременно, месяца за два, позаботиться о въездной визе, заказать гостиницу, забронировать авиабилеты и т. д. Если же Вы намерены участвовать на выставке стендом, то заявки следует подавать за полгода.

Более подробную информацию о выставках и процедуре оформления Вы можете получить на фирме «МК-ТУР», которая специализируется на организации поездок российских предпринимателей на международные выставки-ярмарки.

Москва, 117049, ул. Большая Якиманка, 39. Тел. (095) 230-18-15, факс (095) 230-21-17.

ТОПОРКОВ Владимир Григорьевич,
Директор фирмы «МК-ТУР»
т. 230-18-15.

ПОЛЕВЫЕ ИСПЫТАНИЯ И СОСТАЗАНИЯ

В. БЕДЕЛЬ,
эксперт-кинолог
Всесоюзной
категории

Полевые испытания собак имеют многолетнюю историю. Первые в мире испытания легавых состоялись 18 апреля 1856 г. в Англии. Первые испытания легавых в США были проведены в 1874 г. В нашей стране подобные испытания были организованы в Петербурге в 1887 г. С того года, собственно, и началась у нас настоящая племенная работа с собаками, предполагающая отбор лучших собак как по экстерьерным, так и по рабочим качествам и подбор собак для племенного использования, то есть работа, направленная именно на разведение собак, предназначенных для охоты. Поскольку испытания легавых в нашей стране имеют наиболее давнюю историю, речь ниже будет идти в основном о них.

На вопрос, зачем проводятся испытания, иногда можно услышать ответ: для проверки готовности собаки к охоте. Но это не верно в принципе. Такой цели полевые испытания не имели никогда. Уже в Положении о первых испытаниях 1887 г. говорилось: «Цель состязаний — определить, какая из представленных собак выказала лучшие природные качества.» Природные качества, полученные от предков и передаваемые потомкам, а не привнесенные владельцем или егерем, — на это надо обратить особое внимание. В таком же или чуть измененном виде эта фраза повторялась и в последующих правилах, принимаемых в разные годы. Правила 1903 г. формулировали цель полевых испытаний следующим образом: «Верно определить природные качества и дрессировку собак.» Правила 1925 г.: «1. Выяснение природных полевых качеств собак и степени пригодности последних как производителей. 2. Выработка и распространение наглядным путем правильных приемов дрессировки», способствующих выявлению и развитию природных качеств. Правила 1939 г.: «Основная цель испытаний — выявление охотничьих качеств и отбор производителей для улучшения пород.» Правила 1955 г.: «Основная цель испытаний — выявление охотничьих качеств собак, отбор производителей и правильный подбор пар при разведении.» И так далее.

Из сказанного видно, что полевые испытания собак у нас в стране — племенное мероприятие, направленное на определение охотничьих качеств у собак, их расценку и отбор лучших для

К сожалению, на испытаниях собак случаются трагедии.

Фото Ю. Антонова

племенного использования. На испытаниях, проводимых сейчас, каждую собаку испытывают индивидуально и оценивают каждое рабочее качество в соответствии с правилами.

Надо отметить, что к такому принципу проведения испытаний охотники и любители собак подошли не сразу и не без споров, а в некоторых зарубежных странах не пришли и до сего времени. В России особенно ожесточенные споры велись до второго десятилетия нашего века между охотниками Москвы и Петербурга. В Москве первые испытания легавых состоялись в 1890 г. Они были проведены Московским обществом охоты по специально разработанным правилам с расценкой каждой собаки по 100-балльной шкале, сохранившейся, кстати, почти без изменений до настоящего времени. В Петербурге же долгое время отдавали предпочтение парной олимпийской испытательной системе, принятой на состязаниях в Англии, не предполагающей, как правило, расценки собак. На таких испытаниях собаки пускались парами, и лучшая из двух собак допускалась к последующим испытаниям с победителем другой пары. В результате испытаний

выявлялась одна лучшая собака — победитель, кто-то занимал второе место, все же прочие считались побежденными. Никакой расценке не подвергались ни чемпион, ни остальные собаки. Для лиц, интересующихся работой с собаками, оставался только протокол испытаний со скучным словесным описанием работы собак. Понятно, что из такого описания люди, занимавшиеся племенной работой с породой, могли вынести очень мало полезного при отборе собак.

Петербургские охотники перепробовали множество вариантов полевых испытаний. Так, Общество любителей породистых собак, проведя в 1887 г. первые испытания с расценкой собак, в дальнейшем перешло к сравнительно-му парному методу испытаний без расценки собак, затем вернулось к испытаниям с расценкой, затем вновь стало проводить парные испытания без расценки и т. д.

Другое петербургское общество (отдел кровного собаководства) с момента возникновения до конца существования стойко придерживалось одной и той же системы — английских парных состязаний типа фельд-трэйльс.

Характеризуя подобные испытания, Р. Ф. Гернгресс писал: «Состязательная система без постановки баллов... перестает быть испытаниями собак для отбора лучших производителей, а становится игрой, погоней за призом, при которой, несмотря ни на какие поправки к правилам, могут оказаться выше собаки, явно менее достойные, не сделавшие ошибок и выбившие своих конкурентов».

Московские охотники признали это быстро и без колебаний выбрали систему испытаний одиночек с их индивидуальной расценкой. Надо отметить, что система оценки рабочих качеств собак по 100-балльной шкале — не наше изобретение. В Англии на первых испытаниях в середине 60-х гг. XIX века использовалась такая же система, и лишь позднее она выродилась в спортивные фильд-трайалы.

Московское общество охоты, начиная первые испытания легавых, сразу определило их цель как проверку рабочих качеств собак и их оценку для отбора в племя. И также сразу было решено, что испытывать легавых следует именно там, где собаке легче продемонстрировать свои природные качества, выявить их в полном объеме и именно по той птице, которая допускает такое выявление качества собаки. Задача допускала только одно решение: болота, луга и болотная дичь. Испытания по лесной или кустарниковой дичи, распространенные в Петербурге, в Москве поэтому не привились. Это и понятно, ведь такие важные природные качества легавых собак, как дальность и верность чутья, манера причуивания, быстрота поиска, стиль — все то, что, собственно, и составляет легавую собаку, наиболее полно можно выявить лишь при проведении испытаний на обширных открытых пространствах, где собаку хорошо видно, и по птице, которая не склонна много бегать и оставлять многочисленные наброды, то есть по бекасу или дуплю.

Москвичами была отвергнута не только практика петербургских испытаний, но и зарубежная, в частности хорошо известная в то время немецкая система испытаний, имевшая целью проверку готовности собак к практической охоте и проводимая поэтому в обычных, сплошь и рядом, трудных условиях, где собакам скорее приходилось показывать дрессировку и навыки, чем чутье, скорость и стиль.

Как показало дальнейшее развитие событий, московская методика проведения испытаний легавых оказалась наиболее целесообразной для племенного дела и завоевала многих сторонников в крупнейших кинологических центрах. В 1925 г. на Всесоюзном съезде кинологов по докладу Р. Ф. Гернгресса были принятые единые для всей страны правила испытаний легавых, основанные на московской системе и предусматривавшие испытания одиночек с расценкой по 100-балльной шкале. Кстати, и испытания охотничьих качеств собак всех других групп пород

ведутся у нас с тех пор с балльной оценкой отдельных, важных в племенном отношении качеств.

Иная картина за рубежом. Там, наряду с сохранившимися в некоторых странах парными испытаниями легавых, существуют и испытания одиночек с балльной расценкой, но методика испытаний и их цели, как правило, отличны от наших.

На первый взгляд различия в правилах не столь уж и большие. И здесь и там балльная расценка, и здесь и там примерно одинаковые элементы расценки: по чутью, стойке, дрессировке; и здесь и там система трех степеней наград... Однако при внимательном чтении правил выясняется, что различия есть, и при этом принципиальные. В чем же эти различия? В самом главном — в целях испытаний. Прямо об этом нигде не говорится, но иного вывода сделать нельзя: зарубежные испытания проводятся, как и немецкие испытания прошлого века, в целях проверки готовности собак к охоте. Прежде всего об этом говорит следующее: исключительно высокие требования к дрессировке собак, значительно превышающие максимально необходимые, для наиболее полного выявления наследуемых качеств легавой собаки. Легавая за рубежом должна выполнять множество команд, не имеющих никакого отношения к выявлению ее племенных достоинств. Здесь и обязательные команды: «идти рядом», и «сидеть», и «лежать рядом», и «лежать вдалеке от охотника», и «охранять убитую дичь»... В наших правилах дрессировке отведено 20 баллов, 20 % расценочной таблицы, ровно столько, сколько нужно, чтобы иметь возможность проверить рабочие качества, в зарубежных же — до 60 %. Такой подход ведет к передрессированности собак, ее скованности, доведению ее почти до автоматизма. Нашим испытаниям это чуждо. К. В. Мошнин писал почти 100 лет тому назад: «Мы ценим собаку, сохранившую свои природные качества, свой огонь, свою кровную манеру, ценим чутье и ум... Мы говорим: собака в руках, но не задержана. Мы желаем, чтобы ее природные качества проявлялись и развивались возможно свободнее. В этом и состоит своеобразность характера наших испытаний, их направление. Все сходятся во взглядах на этот предмет. На русские полевые испытания обращено внимание всех охотников, и в процветании и совершенствовании этого дела сомневаться нельзя».

Суть слов К. В. Мошнина: нам нужна собака в руках, но не задержанная; природные качества собаки должны проявляться возможно свободнее. В этом первое отличие наших испытаний от зарубежных.

Второе отличие заключается в том, что испытания у нас не носят характера проверки универсальных способностей собаки. С самого начала охоты с английскими легавыми в России они использовались как специализированные собаки. С английскими легавыми охо-

тились только на болотную, полевую и лесную дичь. Считалось дурным тоном охотиться на уток; об охоте на зайцев, мелких копытных и т. п. даже не заговаривали. Охота с английскими легавыми была любима людьми, тонко чувствующими эстетическую сторону охоты, ее красоту. Именно поэтому такие люди обращаются к узкоспециализированным породам, обладающим страстью, огнем, стилем и отточенностью манер. Полет борзых, музыкальность и надрыв голосов гончих, страсть потяжек и скользкуюность стоеч легавых — все это качества узкоспециализированных пород. Никакая универсальная собака с ее размытыми, стертными, тусклыми стилем и признаками не конкурент специализированной собаке. В России, как нигде больше, была в почте утонченная красота охоты. Такой она осталась среди настоящих любителей английских легавых и до сего времени.

Характер наших испытаний способствует сохранению собаками стилем и черт, восхищавших охотников в прошлом.

Помимо испытаний охотничьих качеств собак в нашей стране проводятся и полевые состязания собак, имеющие целью продемонстрировать рабочие качества выставленных собак и выявить лучших среди показанных.

Состязания проводятся в условиях, максимально приближенных к условиям реальной охоты. Для каждого состязания организация, проводящая мероприятие, разрабатывает специальное положение, в котором оговариваются условия допуска собак, назначается время и место проведения состязаний, устанавливается тип состязаний (командные, личные, командно-личные и т. п.), оговариваются условия для получения призов лучшими собаками, а также назначается экспертная комиссия и оргкомитет. Экспертиза собак на состязаниях осуществляется по правилам полевых испытаний, в которые могут быть внесены какие-либо повышенные требования по тем или иным пунктам. Эти требования также оговариваются в положении о состязаниях. Собаке, занявшей на состязаниях первое место, при условии получения юно диплома первой степени, присваивается звание «чемпион состязаний».

Методика оценки собак на испытаниях и состязаниях различна. Если полевые испытания ведутся до полного выявления судьями всех рабочих качеств собак во всех их мельчайших подробностях, то выступление собаки на состязаниях заканчивается, как правило, после получения судьями возможности расценить собаку по всем графам расценочной таблицы. Иными словами, испытания — это выявление и максимально точная оценка наследуемых рабочих качеств; состязания же — это только оценка показанного собакой в данных условиях. На состязаниях собак многих групп пород весьма велик поэтому элемент случайности.

ЛИСИЦА С ХАРАКТЕРОМ

Летом начали пропадать куры — лисица повадилась. Такое и раньше случалось, ведь дом стоит в лесу. Обычно спускали лаек с цепи. Гоняли они лисицу или нет — не важно. Собаки метили территорию вокруг охотбазы и этого было достаточно, чтобы лисица оставила кур в покое.

А тут какая-то упрямая попалась. И уток на пруду ловила. Хоть собак не привязывай. А как не привяжешь: от них и всякой лесной малышне достанется. Собаки цепкие, домой приходить не будут — дай им волю.

Егеря с ружьем лисицу караулил, и собак, хоть ненадолго, но почаще пускал, а куры нет-нет, да и пропадали. Дорогу рядом то и дело пересекали лисы следы — ясно, чья работа.

Осенью я тоже пытался караулить эту лисицу. Не с ружьем — с фотоаппаратом. Не далеко от охотбазы мост через мелиоративную канаву. Люди по нему не ездили и почти не ходили. Но звери, судя по следам, мостик хорошо знали. На грязи лосинные следы, кабаны и следы лисицы, старые и свежие.

Замаскировался в елочках, сижу на рыболовном ящике. Он у меня и стул, и кофр для фотопринадлежностей.

Услышал — чавкнуло неподалеку. Лось ходил по мочажине. Снимать нельзя, его плохо видно за частым ольховником.

Рассматриваю мостик: это всего лишь большая труба, положенная в канаву и присыпанная землей. Переход зеленел травой, поэтому не пугал зверей.

Присидел три часа, а лось все кормился на большом пятаке. Фоторужье наготове — вдруг покажется в каком-нибудь прогалке.

Увлекся лосем и чуть не просмотрел лисицу. Заметил совсем близко. Трусила у кромки кустов, направляясь к мостику. Учуяла меня, метнулась в сторону. Снимать пришлось навскидку...

Зимой собаки, привязанные возле охотбазы, подняли среди ночи такой шум-рёв, что, казалось, порвут цепи. Егеря выглянули в окошко. Против Гюрзы, морда к морде стояла лисица и обе скалились пасть в пасть. Вторая лайка, Тайга, тоже баксовала лапами, рвалась дотянуться до наглого зверя. Привязанная на крыльце овчарка бухала грубым голосом. А свирепая Гюрза чуть с ума не сходила. Енотов она хватает прямо за голову и одним движением челюстей дробит череп. Пасть растягивается как у змеи. А тут ей в нос дышит лисица и она ничего не может сдёлать — не пускает цепь.

Егеря схватил ружье. Да где там: чуть скрипнула дверь, лисицы как не бывало.

Она приходила к тушкам енотов, выброшенным в снег за забор. Наверное, предупреждала собак, что это, мол, теперь ее добыча. Похоже, все та же лисица, которая таскала кур. Уж очень отчаянная. И знакомый летчик рассказывал, видел тут на поле лисицу, которая не бежала, как другие, от низко летящего самолета. Он — инструктор, обучает летчиков-любителей. Охотник к тому же. Развернул свой маленький самолет и опять направил его на лисицу, но уже совсем на небольшой высоте. Та оскалила пасть, вскинулась на задние лапы и замахала передними. Приготовилась отпор дать, как какой-нибудь хищной птице...

На опушке, у поля, на котором были следы мышковавшей лисицы, я поставил «брёзентовую избушку» — переносной складок, и замаскировал его. Одевался потеплее и ходил туда караулить лисицу, когда было время.

Увидел ее далеко не в первый день.

Она шла по гребню выброшенной из канавы земли. Там не косили траву и седые былинки торчали из снега. Лисица совала нос в редкие кустики серой травы. Потом стала копать и тут же на снег сел ворон. Он давно понял: спрятала что-то на чёрный день, теперь ищет. Ждал, не перепадет ли что и ему.

Можно фотографировать — на штативе сильный телескоп. Удастся сделать, наверное, всего один кадр: услышит щелчок — убежит. Стараюсь, чтобы и ворон был в кадре.

За спиной шорох. Обернулся и к ужасу своему увидел Гюрзу! Прибежала по следу. Раскрыла полы «избушки», втащила к себе лайку. Она радостно виляла хвостом, старалась ткнуть меня носом, а я пытался удержать ее в тесной «избушке», не дать свалить штатив и в то же время лихорадочно шёлестел бумагой, разворачивал бутерброды, чтобы заткнуть поскуливающую от радости пасть.

Над головой прокричал ворон. Я взглянул в окошечко — лисица уже стелилась далеко по полю. Все, можно убирать складок...

Однажды выдалась хорошая пороша и посчастливилось наткнуться на утренний лисий след. Он шёл ровно, не петлял, как ночной. Похоже, лисица направилась на лежкую. Погода мягкая — снег не хрустел. Стоило попробовать подойти к ней на лежкую. Есть такой способ охоты. Но идти надо очень осторожно.

Когда фотографировал лисицу у мостка, подкарауливал на поле, не было уверенности, что это как раз та, кото-

рая дышала в пасть собаке и собиралась драться с самолётом. Но в этот раз, как выяснилось вскоре, я крался по следу именно той лисицы.

Может где-то шуркнул веткой, или фоторужье чуть звякнуло о пряжку — вышел к пустой лежке. Опять не получилось. Шерстинки на снегу, где спала, прыжки прямо с лежки.

Топтался, рассматривал место вокруг. Неожиданно краем глаза заметил в стороне лисицу. И чудом удержался, не вскинул фоторужье и даже не дал ей понять, что вижу. Продолжал топтаться, голову вниз, как будто рассматривал следы. А сам ставил на объективе

расстояние: на резкость наводить будет некогда. Надо же, сидит за кустом, наблюдает. Довольная, что обманула. Это, конечно, та самая. Другая рванула бы с лежки без остановки. Теперь только бы не сбежала.

Поворачиваюсь так, как будто все еще не вижу. Не поднимая фотоаппарата к глазам, украдкой направляю объектив куда-то в ее сторону и жму на кнопку. Щелчок. Она тут же сорвалась с места и пропала среди деревьев.

Снимок получился не очень резким и до лисицы далековато. Но это она выбирала дистанцию. Главное — виден ее характер.

СТАРОСТИНЫ

Старинный род Старостиных из именистых и почитаемых. Из этого рода знатоков русской охоты вышли знаменитые футбольисты, гордость советского футбола — Андрей, Петр, Николай. Николай Петрович Старостин руководит сегодня футбольной командой «Спартак».

Самым именитым в роду Старостиных был Никита Старостин, славно послуживший русской охоте. Знание повадок зверя, умение так расставить стрелков, что тому деться некуда, пройти на лыжах 30—40 км — все это было для «псковичей» Старостиных делом привычным.

Григорий Зуев, Клементий Зуев, Павел Лихачев, Фрол Зуев, Семен Зуев, Петр Старостин, Иван Старостин, Дмитрий Старостин

Первыми освоили и распространили псковский способ охоты жители села Острова Порховского уезда Псковской губернии. История этого своеобразного промысла берет свое начало в 30-х годах XIX в. Суть способа заключалась в том, что вначале требовалось узнать, где находится зверь (обложить его), определить, куда он может пойти, где его лаз, затем уже гнать зверя на стрелков. Умение гнать зверя — в этом и было мастерство окладчика.

Председатель первого в России Московского общества охоты Виктор Иванович Бутовский узнал о новом способе охоты от своего брата, жившего в Петербурге. В начале 1867 г. обществом были выписаны три псковских егеря-окладчика: Семен Зуев, Дементий и Никита Старостины. Через год сюда же на службу поступили Николай Изотов и Архип Старостин.

Никита Старостин, Фрол Зуев, Архип Старостин

В журнале «Псовая и ружейная охота» (1904) рассказывается об охотничьих подвигах «псковичей». Никита, Архип и другие родичи Старостиных — Иван, Савелий, Дементий — делали такие оклады, что другим было и невдомек. Врожденная охотничьая страсть Старостиных передавалась из поколения в поколение. Дмитрий и Петр унаследовали эту страсть от деда. В искусстве обложить зверя, натаскать собаку им не было равных. В «Охотничьей газете» (1928 г., № 19) сообщалось, что Дмитрий Иванович Старостин умер 19 сентября 1928 г. на 58-м году жизни, в тот же день окончив всесоюзные испытания легавых, на которых он работал, будучи уже тяжело больным.

Петр Старостин (отец Николая Старостина) ни в чем не уступал своему брату. Он был неутомимым охотником, следопытом, натаскал много собак. Все русские охотники старшего поколения помнят знаменитого пойнтера Микадо, Рекса и других прекрасных собак, выращенных братьями Старостиными.

Рубрику ведет Б. МАРКОВ

20 ЛЕТ – И 1000 ОВЦЕБЫКОВ: ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ СВЕРШИЛОСЬ!

Г. ЯКУШКИН,
кандидат биологических наук
Фото автора и
Н. Матюшенкова

акончился 20-летний период акклиматизации и расселения овцебыка на северо-востоке Таймыра. С момента интродукции и наступления репродуктивного цикла исходное поголовье и первые генерации животных прошли несколько фаз акклиматационного процесса, приведшего к возникновению и становлению жизнеспособной, экологически и генетически устойчивой популяции. Численность ее многократно возросла: стада и одиночные самцы освоили все подзоны тундр.

Интродукция овцебыка на Таймыре началась с небольшого поголовья — 30 молодых особей, доставленных двумя партиями с Североамериканского континента в 1974—1975 гг. В новом районе они столкнулись с очень жесткой средой обитания, что привело к значительному отходу зверей, даже при изгородном содержании и зимней подкормке. В результате естественного отбора особи со сниженной жизнеспособностью погибли. К началу 1978 г. исходное поголовье насчитывало 20 особей, из них 14 самок и 6 самцов. С этого количества животных и начались репродукция и нарастание численности.

Теория и практика акклиматизации. Весь процесс акклиматизации подразделяется на ряд фаз или этапов.

Для овцебыка, крупного копытного животного, широко расселенного в ряде северных стран, обитающего на открытых тундровых пространствах, ведущего в основном оседлый и стадный образ жизни, имеющего относительно низкий темп размножения и низкую смертность, не достигающего, как правило, высокой плотности, должна быть предложена отдельная, видовая схема фазовости акклиматационного процесса. Без нее трудно проследить и оценить в хронологии рассматриваемый процесс. Нами разработана фазовая схема на основе многолетних объемных исследований и обобщений процесса формирования и становления таймырской популяции овцебыка. Предложенная схема не может претендовать на полноту и законченность, ибо процесс становления популяции еще не завершен.

Из восьми фаз и трех уровней акклиматационного процесса коснемся вкратце лишь некоторых. Первая фаза — самая существенная и ответственная. При успешном завершении ее идет дальнейший процесс акклиматизации, при правом ходе акклиматизации прекращается. Первоначальная адаптация овцебыков (первая фаза) закончилась в основном по истечении трех лет, звери достигли половой зрелости и приступили к размножению (начало второй фазы). Генофонд вселенцев стал более лабиальным. С каждой новой генерацией накапливалась генетическая устойчивость, доходя до уровня, свойственного арктическому копытному виду. Формирование популяции (пятая фаза) началось с 1982 года,

после трех лет пребывания животных на воле, образования нескольких стад и освоения района обитания в долине р. Бикада. Установление биоценотических связей и равновесия со средой (шестая фаза) шло вслед за формированием популяции. Она благополучно вписалась в местные биоценозы, каких-либо отклонений и нарушений в их функционировании не отмечено. Восьмая фаза характеризуется становлением жизнестойкой динамичной популяции. Она устойчива к среде, не подвержена эпизоотическим заболеваниям, не ограничена территориально в своем развитии. Ей присущи своя социально-демографическая структура, свой тип динамики численности. Ставление популяции продолжится, вероятно, до тех пор, пока не возникнет отличительная, таймырская форма овцебыков, когда популяция широко освоит тундровую зону Таймыра и наступит ее стабилизация. Она должна отличаться богатым и лабиальным генофондом.

Репродуктивный потенциал популяции. На современном этапе, когда популяция прогрессирует, расширяет

гаремном стаде самцом-производителем является самец в возрасте 6—9 лет, достигший полного физического развития.

Репродуктивные показатели и сроки годового воспроизводственного цикла овцебыков Таймыра таковы: нагул зверей до гона — июль — август; разгар гона — вторая половина августа; беременность — 8—8,5 месяцев; разгар отела — последняя неделя апреля — первая декада мая; репродуктивное ядро самок — 3—9 лет; репродуктивный возраст самок — с 2 до 13 лет.

После окончания гона идет дальнейший нагул животных (сентябрь) до образования устойчивого снежного покрова. Самцы-доминанты порой покидают стада, в них виваются холостые самцы. Замечено, что летний нагул зверей стал более интенсивным и продуктивным в результате дальнейшей адаптации к среде, поэтому время активного гона и массового отела несколько сместилось на более ранние сроки. Для телят увеличился период быстрого роста и развития в благоприятное время года, их сохранность в первую зимовку повысилась.

Уход стада галопом от нависшей опасности

ареал, имеет низкую плотность, хорошо адаптируется к климату и кормам, репродуктивные возможности ее возрастают. Большинство молодых самок приносит первый приплод в 3 года, в дальнейшем — практически ежегодно до 9 лет. В очень благоприятные по экологическим условиям годы (1985—1986) в гон вступает часть самок в возрасте 15—16 месяцев и приносит потомство в 2 года. Телята у них мелкие, но жизнеспособные. Старые самки 10—13 лет рождают телят с пропуском в 1 год. Самцы достигают половой зрелости в 3 года, в период гона они очень активно преследуют молодых самок. В

Ареал и пространственное размещение популяции. С начала формирования до начала становления популяции (1982—1992 гг.) ее ареал расширился с 60 тыс. до 7 млн га (см. карту-схему). Животные стремятся занять как можно больше подходящих местообитаний. Центром ареала служит бассейн и долина р. Бикады (74—75° с. ш.) площадью около 1 млн га, где обитает до 45—55 % численности популяции. Особенно заметным стал наплыв стад в долину Бикады в последние 2 года. Здесь плотность населения овцебыков летом самая высокая, на 1000 га составляла: в 1993 г. — 1,79 особи, в

Новосиверсия ледяная — лакомый корм овцебыков в весенний период

На пастбище

1994 г. — 2,7. Расширение ареала идет как в южном, так и в северном направлении в пределах Восточного Таймыра. К югу стада откочевали в подзону субарктических тундр, в долины крупных рек Большая Балахня и Гусиха ($73^{\circ}30'$ с. ш.). Стада зимуют в этих же долинах, летом широко кочуют. В 1993 г. в данном районе обитало ориентировочно 6—7 стад (13—15 % всей популяции). К северу, за горы Бырранга, в подзону арктических тундр стада начали откочевывать намного раньше, с 1985 г. В настоящее время они достигли побережья Карского моря в районе устья р. Ленинградская. Основным местом сосредоточения стад в этой подзоне являются долины рек Траутфеттер и Нижняя Таймыра (76° с. ш.). В 1993 г. при неполном учете здесь подсчитано 4 стада численностью 87 особей (10,6 % поголовья популяции). Северные стада удалены от южных на 350—400 км. По оценке на 1994 г., вся популяция насчитывала не менее 50 стад, в 2,5 раза больше, чем в 1990 г. При выходе к северу и югу, в другие подзоны тундр, почти все стада объединяются в одно скопление, насчитывающее 40—60 особей. В таком составе они проводят первую-вторую зимовку, осваивают новые места обитания, потом от этого скопления откалываются самостоятельные стада и откочевывают в соседние участки тундр. Сюда же регулярно подходят ширококочущие холостые самцы.

К настоящему времени в ареале стад овцебыков возникли три субпопуляции:

центральная, северная и южная (см. карту). Такую ситуацию можно считать временной, объясняется она невысокой концентрацией стад по всему ареалу. Горная система Бырранга, по всей вероятности, все же разделит популяцию на две крупные части. Центральная и южная субпопуляции в перспективе сольются, ибо между ними нет больших географических преград. Нарастание численности идет во всех очагах обитания овцебыков, однако северная субпопуляция менее продуктивна, что связано с небогатым набором кормов.

В бассейне р. Бикада, где сосредоточена основная часть популяции, продуктивность пастбищ подзон типичных и отчасти субарктических тундр относительно высокая. Районами зимнего выпаса зверей служат южные макросклоны гор Бырранга, долина Бикады и пологие склоны обособленной каменистой гряды Киряка-Тас. Доступные зимние пастбища составляют не более 20 % от всей площади тундр. Летом стада используют большую часть территории, заходят по долинам рек в горы Бырранга и на гряду Киряка-Тас. В долине Бикады кочевки стад с начала лета до осени часто идут по кругу часовой стрелки: из предгорьев кочуют на юг вдоль р. Бикада до ее поворота, потом на запад до низовьев реки, разворачиваются и вновь уходят на север. Так повторяется несколько раз в сезон. В связи с этим и просчет отдельных стад порой удается осуществить дважды-трижды, что позволяет точнее выявить их структуру и особенно величину приплода. Летом и осенью стада посещают в низовьях Бикады естественные солонцы. Их здесь много. С июня по сентябрь (кроме периода активного гона) стада непрестанно контактируют между собой, объединяются в скопления, дробятся. Происходит обмен особями, что повышает генетическую устойчивость популяции.

Ареал стад со всех сторон как бы оконтурен флюктуирующими, бесформенным ареалом холостых самцов. Ближе к ареалу и в самом ареале стад их встречается летом довольно много, до 8 % от всей популяции. Отдельные же особи эмигрировали так далеко, что навсегда потеряли связь со стадами. Они встречаются по всему Восточному и Центральному Таймыру, появились на Западном Таймыре, преодолев крупную р. Пясина в снежный период. Среди них нет ни одной самки, как нет и самостоятельно кочующих одиночных самок или групп вне ареала стад. Такое устойчивое половое разграничение особей в пространстве характерно для таймырской популяции. Ушедшие далеко холостые самцы закрепились на излюбленных кормовых участках, годами обитают там, между собой не контактируют, гибнут от старости, волков, браконьеров.

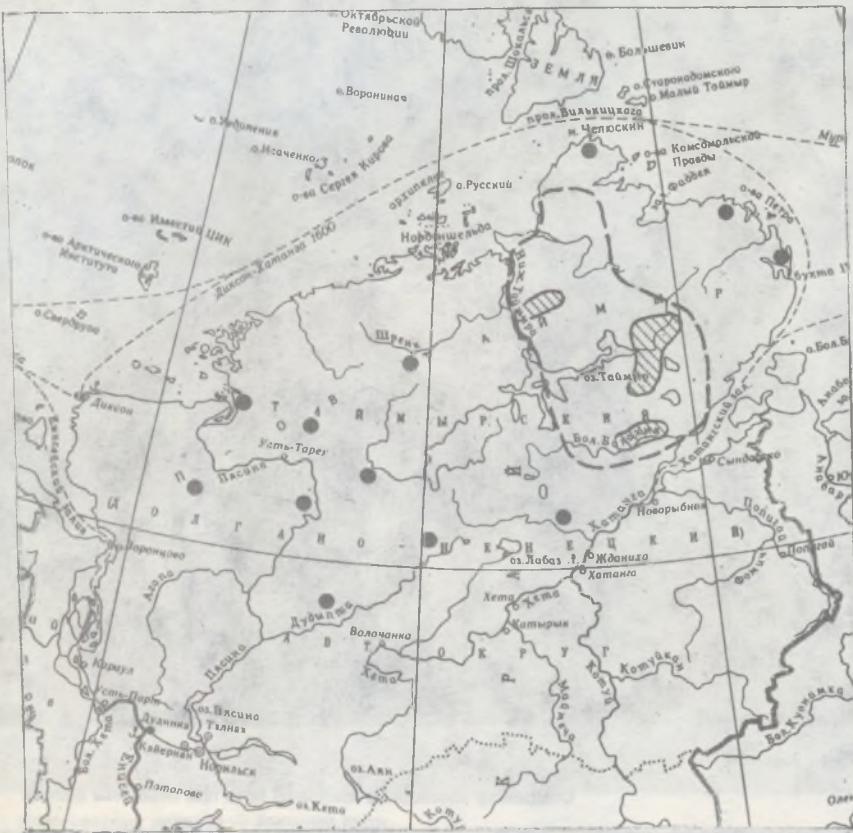
Динамика численности и модель роста популяции. Популяция овцебы-

Пятилетний холостой самец

Стационар «Бикада» в полярную ночь при северном сиянии

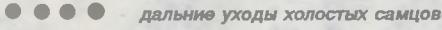

ареал стад на 1993 г.

субпопуляции

дальние уходы холостых самцов

ков на Таймыре, как и в подобные в других северных регионах мира (Аляска, Северный Лабрадор, Западная Гренландия), характеризуется высокими темпами роста и высокой продуктивностью по сравнению с исконными популяциями вида. С момента получения первых приплодов увеличение численности овцебыков на Таймыре шло по нарастающей. Взрослые самки приносили приплод ежегодно, за исключением 1990 г., когда в год предыдущий случился природный катаклизм. Первое удвоение численности произошло через 2 года, к 1980 г., второе — через 3 года. К 1984 г. популяция достигла первой сотни, а к 1994 г. — первой тысячи особей. 20 лет и 1000 овцебыков. Можно констатировать: историческое событие свершилось. Напомним, что популяция овцебыка на острове Врангеля составляет, по нашим расчетам, примерно одну треть таймырской. По показателям прироста таймырская популяция сравнима с материковыми популяциями Аляски.

При возрастающей численности и обширном ареале, охватывающем все три подзоны тундр с разными условиями среды, овцебыки прочно закрепились на Таймырской земле. Они могут исчезнуть, как это случилось в прошлом, лишь в том случае, если в аркти-

ческих широтах произойдет глобальное изменение климата.

Нами, при активном участии ведущего сотрудника института информатики и автоматизации РАН В. Михайлова, проведено моделирование динамики роста таймырской популяции на ближайшее десятилетие, до 2005 г. Исходным материалом для анализа, составления и настройки модели роста популяции послужили параметры за 1986–1990 гг., а по яловости и отходу особей — показатели до 1993 г. Влияние экологических факторов на продуктивность популяции проанализировано с 1975 по 1993 г., что позволило выделить 4 уровня градации факторов: благоприятный, удовлетворительный, неблагоприятный и аномально плохой. Первые три условно можно принять за экологическую норму со средней повторяемостью соответственно 2–3–5 раз за десятилетний период. Были получены величины яловости, отхода особей разных возрастных классов, показатели приплода, соотношение: телята — взрослые самки. Самки репродуктивного возраста разделены на 4 возрастные группы: молодые в возрасте 2 лет, взрослые — 3–9 лет (репродуктивное ядро), самки 10–13 лет со сниженными репродуктивными возможностями и самки 14 и более лет, практически не участвую-

щие в размножении. До 16–18 лет доживают лишь отдельные особи самок, до 20 и более лет — отдельные особи холостых самцов. Прогнозные расчеты по модели выполнены для нормальных экологических условий с учетом кормовой емкости дефицитных зимних пастбищ и вероятных повторений лет с аномально плохими экологическими условиями.

К лету 1995 г. по расчетам на модели ожидается увеличение численности популяции до 1250 ± 100 особей, к 2000 г. — до 3500 ± 250 , к 2005 г. — до 7500 ± 500 особей. По долгосрочному прогнозу поголовье овцебыка на Таймыре будет расти и в последующие десятилетия, относительная стабилизация может наступить к концу первой четверти XXI века. Были получены показатели на десятилетний период по продуктивности, темпам роста, половозрастной структуре, плотности популяции.

Зона тундр всего Восточного Таймыра, занимающая около 150 тыс. км², по емкости зимних пастбищ (без учета высокогорной части Бырранга и гряды Киряка-Тас) может вместить в арктических тундрах около 200 особей, в типичных и субарктических — 5200–5700. Цифры расчетной емкости местообитаний и прогноза численности по модели довольно близки.

Эмиграция стад в свободные для них тунды Центрального Таймыра пока не происходит. Безусловно, это временное явление. Откочевку стад в западном направлении сдерживает ненасыщенность их в современном ареале. По прогнозу интенсивное освоение популяций тундр Центрального Таймыра может наступить уже в первые годы следующего века. С целью убыстрения заполнения арктической полосы Западного Таймыра крайне необходимо создать здесь дополнительный очаг расселения овцебыка. В отдаленной перспективе на всем Таймыре может возникнуть единая многотысячная популяция уникального копытного вида. В хозяйственный оборот будут вовлечены растительные ресурсы высоких широт, крупная популяция позволит создать резервы ценной мясной, кожевенной и меховой продукции, организовать охотничий туризм. Подобное уже существует в Канаде, Гренландии, на Аляске.

Отрадные изменения произошли в охране популяции. С 1994 г. район р. Бикада (бывший заказник) стал участком заповедника «Таймырский», его площадь — 937,7 тыс. га. Организация и функционирование заповедного участка со строгим режимом охраны послужат гарантией благополучия популяции овцебыка в центре ее ареала.

МОИ ПЕРВЫЕ ОХОТЫ НА КАВКАЗСКИХ КОЗЛОВ

Н. ВЕРЕЩАГИН

ТУРЫ ОЗЕРА ХАЛАХИ

Через два-три года поездок по нашей стране я уже знал, в основных чертах, распространение и примерную численность всех восьми видов копытных Азербайджана. Это были кабан, косуля, олень, джейран, дагестанский тур, безоаровый козел, арменийский муфлон и серна. Знал, что наиболее многочисленны кабан, тур, джейран — примерно по десятку тысяч особей каждого. Популяции косули и серны были тоже более или менее благополучны, а муфлона, безоара и олена — на критическом пределе. Финансирование изучения экологии и морфологии названных копытных удалось осуществить по линии Института зоологии Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Вскоре я опубликовал несколько очерков по экологии тура и джейрана. Были составлены и переданы охотинспекции и конторе Союзпушини аннотированные карты распространения всех видов копытных Азербайджана. В конце 30-х наиболее пристально изучалась экология тура — его питание, характер размножения, образ жизни, поведение. Мне удалось посетить самые туриные участки Большого Хребта, наблюдать стада туротов до 250 голов, добыть лично 15 экземпляров для подробного описания.

Крайне полезно было познакомиться и подружиться со знаменитыми охотниками из местных старожилов, особенно в высокогорных поселках. Наиболее симпатичны мне были два жите-

ля города Закаталы: Леонид Людвигович Млокоевич — директор Закатальского заповедника и Михаил Георгиевич Ивкин — смотритель горной метеостанции Алибек. В заповеднике можно было наблюдать массу туротов у серных источников, тамошние их вертикальные миграции, пастьбу, структуру популяции. Смежные с заповедником участки были превосходными охотничими угодьями, на которых можно было успешно охотиться на кабанов, косуль, туротов и серн.

Оба закатальских магиканина, лет по 60 каждый, были в те годы великолепными охотниками и стрелками. Меня, 20-летнего парня, они встретили вначале свысока, с известным предубеждением, но вскоре мы основательно подружились. По-моему, причиной этого кроме их доброты была и моя первобытная охотничья хватка, которая им понравилась. Млокоевич охотился последние годы с двустольным немецким штуцером под 4-линейный бердановский патрон и убивал ежегодно по 10—12 экземпляров крупных зверей. За полвека своей жизни натуралиста он добыл, судя по его записям, свыше тысячи копытных и хищных зверей. Ивкин в молодости был начальником егерской стражи в Белоканском и Мазымчайском ущельях Лагодехского района Грузии. Эти угодья арендовались в начале века князем Демидовым. Сам Донато — один из последних уральских Демидовых. Михаил рассказывал мне, как в Лагодехе приезжал в 1912 г. известный английский охотник-спортсмен

lord Лительдэль в качестве гостя Демидова для охоты на туротов. Пересмотрев в телескоп рога нескольких десятков туротов в цирке Белоканского ущелья, лорд разочарованно уехал без выстрела, не найдя экземпляра крупнее уже хранящихся в Британском Музее.

От Ивкина же я слышал, что совсем недавно он видел группу сверхкрупных туротов за перевалом в Дагестан, в самых верховьях Аварского Койсу. Туры эти держатся там у высокогорного озера Халахи. Это меня так заинтриговало, что я задумал обязательно туда попасть. Стоял теплый август 1936 г. — сезон орехов и фруктов, время самое разлюбезное для экскурсий в здешних горах. Сезон охоты на туротов (тогда еще совершенно бесплатной!) тоже начался с августа. В руках у меня был все тот же казенный Маузер, весьма тщательно пристрелянный много на 200—250 м, и мне, естественно, хотелось пустить его в дело. Чувствуя, что хорошее время для горной охоты уходит, я готов был действовать самостоятельно, так как Млокоевич был чем-то занят по заповеднику, а Ивкин отсиживался на метеостанции.

В соседнем селении близ Закатал я нанял верховую лошадь при весьма добром содействии местного сельсовета. Хозяин лошади — старик азербайджанец — не захотел, однако, доверить мне лошадь полностью, а предложил сопровождать меня на другом своем коне. Я не возражал, тем более что не знал деталей тропы до заветного водоема.

Окончание. Начало см. в № 2, 1996 г.

Итак, 21 августа 1936 г. в середине дня мы начали с Ахмедом Кулиевым наш поход. Сильные лошадки, кованые плоскими подковами без шипов, довольно бодро втащили нас по крутой лесной тропе до верхней опушки леса и границы лесной зоны. Здесь, на высоте 1850 м над уровнем моря, находился тогда всего один домик и приборы метеостанции Алибек. Ивкин оказался на месте и наглядно разъяснил моему проводнику детали выючной тропы под перевалом. Такие же пояснения он дал параллельно и мне, так как Ахмед по-русски не говорил ни слова.

Дело, однако,шло к вечеру, и нужно было двигаться дальше, чтобы застать вечерний выпас тур. Поэтому мы снова водрузились на седла, а Ивкин занялся своими обязанностями метеонаблюдателя. Не помню сейчас, почему я не утащил с собой Михаила, но мне теперь, через 68 лет крайне досадно, что этого не произошло, что такой опытный охотник не пошел тогда с нами. Возможно, что по молодости лет я слишком самоуверенно стремился вперед, а Ивкин не счел нужным предлагать свои услуги и компанию. Впрочем, и третьей лошади не было...

Тропа стала теперь пологой, какой и шла по травянистому узкому гребню хребта, т. е. перпендикулярно Великому водоразделу. Впереди, казалось уже совсем близко, маячили скалы перевала в Дагестан. Однако я уже знал, что это лишь эффект прозрачности горного воздуха и до нашей цели было еще километров 10–12, как минимум.

Пока что все было тихо, спокойно, солнечно и уютно. Наши лошадки мерно шагали, потряхивая головой и звякая подковами на камнях. Их владелец Ахмед ехал впереди и молчал. Лесные массивы справа и слева от нас были уже далеко внизу. В верхних цирках распадков, над опушками леса, кое-где бесшумно и совсем без взмахов крыльев парили белоголовые сипы и

ягнятники. Километрах в пяти к западу в полуопрозрачной сизой дымке темнели параллельные хребты и массивы лесов Закатальского заповедника.

Пышный разнотравный покров по сторонам нашей тропы как-то незаметно сменился вначале на жесткотравный — из степных злаков, а затем просто на плотные коврики-газоны из побегов лапчатки зибальдии. Тропа превратилась в узкую тропку по каменистому узкому гребню, с крутыми скатами. Лошади пока не сдавались и спокойно шли, ощупывая каждый шаг на пластинах шифера и кубиках песчаника.

Опасность скатиться с лошадью по одной из осыпей между тем нарастала, и вдбавок Ахмед неожиданно спешился и заявил, что дороги дальше, дескать, нет — «Ел ёхтур». Возможно, он и в самом деле здесь никогда не бывал или не понял разъяснения Ивкина. Видя, что дело плохо, я тоже слез с седла и, невзирая на причитания бабая, быстро повел коня вперед в поводу. До перевала остался какой-нибудь километр. Наконец мы наткнулись на какую-то вертикальную стену, и, не видя дальше пути, я объявил деду, что он должен ждать меня здесь на небольшой травянистой площадке, а дальше я пойду один. Как потом оказалось, проход для лошадей все же существовал, но сейчас мне было не до розысков. Взяв винтовку и бинокль, я полез на скалу и вскоре выбрался на перевал. Мой барометр-высотомер показывал здесь 3600 м над уровнем моря.

К северу открылся вид на хаос пустынных каменистых хребтов внутреннего Дагестана. Там, километрах в 50, а может быть, и больше, сквозь легкую мглу угадывался какой-то плоский массив, возможно плато природной крепости Гуниб — последней опоры легендарного Шамиля. Внизу подо мной, метрах в 800, в вечерней тени лежало озеро Халахи. Было еще совсем свет-

ло, но солнце собиралось уже садиться за далекими хребтами Восточной Грузии. Совершенно инстинктивно я догадывался, что туры, вероятнее всего, выходят пастись из бесплодных скал на луговые площадки, окружавшие местами озеро. Поэтому я быстро спустился к берегу и умылся прохладной водицей после трудного дня. Озеро имело форму вытянутого треугольника метров 200 длиной. Его вода была цвета опала и, вероятно, бесплодна в рыбном смысле.

Отойдя от воды, я присел на один из скальных обломков, собираясь обозреть в бинокль все окрестности. И тут же услышал звяканье камнепада. Метрах в 300, огибая угол озера, на меня бежала по скалам семерка сверхкрупных тур. На фоне темных скал и травяных лужаек лапчатки они были малозаметны. Их выдавала лишь палевая окраска боков и узкая полоска белого подбрюшка. На бегу они мерно покачивали тяжелыми полуспиральными рогами. Я уже знал, что каждому из них было не менее 10–12 лет, и они, следовательно, уже достигли последней четверти отведенного им жизненного срока.

Вот это охотничья удача, да еще в первый же выезд! Мое сердце бешено колотилось, так как я догадывался, что звери должны будут пройти под отвесной стеной скалы в сотне метров от моей позиции. Выбежав на наклонную травяную площадку, козлы замедлили бег и попытались пастись. Вполне возможно, что их выгнал из соседнего распадка какой-нибудь дагестанский пастух или охотник. От меня вся стайка была теперь уже метрах в 130, и тут я не выдержал. Спешно прицелившись, запалил сразу по двум передовым козлам, перекрывшим друг друга. Проклятие! Не свалился ни один. Удар пули о скалу сзади козлов дал им новый бодрящий импульс, и они вновь устремились вперед. Вот теперь они мчались тряским галопом под темной скалой.

Превосходная цель! Три новых выстрела по бегунам как будто безрезультатны. Скалы отражают гром выстрелов. Хорошо, что никто не видит моего позора. Втискиваю новую обойму, так как звери временно скрылись в небольшом распадке. Тотчас вижу, как следом сemerke спешит еще один отставший — восьмой тур! Возможно, он где-то спал в скалах и, разбуженный сумятицей, спешит на воссоединение. Он тоже крупен, ничуть не меньше, если не больше передовых, и окрестности вновь отзываются мощным эхом выстрелов. Вот и этот козел уже в 200 метрах выбегает на гребень распадка и останавливается как статуя, высматривая передовых. Это губит его, давая мне возможность внимательно прицелиться по светлому заду. Тотчас тур посунулся вперед и скрылся за гребнем. Взбираюсь туда и вижу впереди, шагах в пятидесяти, светлое пятно. Это лежит мой новый трофея! От сердца моментально отлегло...

Начались сумерки, и надо спешить. Быстро вскрываю брюшную полость, вытаскиваю желудок, печень, кишечник. Подрезаю грудную клетку, извлекаю горячие легкие, сердце, трахею. Спавшаяся туша, весом около центнера (пудов на шесть), лежит на темнобурой плите песчаника. Массивные, свинцового цвета рога огромны, вместе с головой, наверно, потянут не менее 15 кг. Ощупываю годовые перепады и бугры — их двенадцать. Мой зверь мог бы пожить еще три-четыре года до своего жизненного предела, а может, и дольше. Ведь Ивкин встретил один раз рога с 20 буграми. Карабкаюсь на перевал, спускаюсь к стреноженным лошадям. Кулиев прикорнул, расстелив шерстяные хурджины (седельные сумки), и дремлет. Пытаюсь пояснить ему, что убит большой «даг кяли» (горный бык) и завтра утром нас ждет работа по разделке и переноске убитого козла. Кажется, он что-то понял. Потом надеваю теплый пуловер и пытаюсь заставить себя уснуть под чистым звездным небом, гася пережитые эмоции.

К утру я, конечно, продрог и на рассвете, согреваясь физзарядкой, советую Ахмеду спуститься в ближнюю лу-

говую лощинку, выпасти лошадей и ждать меня с первым грузом окороков.

Сам добираюсь снова до козла и приступаю к его промерам, фотографированию и препаровке. Прежде всего надо промерить и взвесить в отдельности все внутренние органы, тщательно записать все в полевой дневник. Работа идет вовсе не так быстро, как хотелось бы. Окровавленными руками надо вести и препаровку и запись в спецкнижке. Хорошо еще, что вблизи струятся роднички, нет кусачих мух, москитов, горное солнце жарит еще терпимо.

Через час, пытаясь отдохнуть и размяться, иду проверить результаты вчерашней пальбы. Теперь на освещенных солнцем багряно-бурых плитах песчаника отчетливо видны присохшие за ночь темно-красные пятна — брызги крови. Кровавый след идет дальше на восток по каменной крутине. Пытаюсь проследить подранка и карабкаюсь по скалам, но на первых сотнях метров трупа не видно. Что делать? По закону нужно преследовать подранка, выяснить его судьбу, но нельзя же бросать и препарируемую тушу, над которой уже вьются синие мясные мухи. Поднявшееся солнце беспощадно и быстро нагревает и подсушивает каждый разрез мускулатуры, легких, печени, размотанного кишечника, снятую шкуру. Не оторвешься! Вот когда пригодился бы толковый напарник, помощник по записи результатов промеров, по разведке подранка.

С другой стороны озера доносятся какие-то крики дагестанского пастуха, пригнавшего отару овец. Окликаю его и объясняю суть проблемы по-азербайджански; советую подняться ко мне, проследить и добрать подранка. Знаю, что все лезгинские пастухи — охотники и отлично вооружены.

Сейчас нужно решать другую проблему — транспортировку трофея за перевал, до лошадей. Укладываю инструменты, части разделанной туши в свой большой рюкзак. Каждая группа мускулов конечностей тщательно взвешена, как и все внутренние органы. Общий живой вес тура уже подытожен — 96 кг; шесть пудов — это небольшая деревенская коровка. Предстоит выне-

сти (за исключением желудка и кишечника) около 75 кг.

Рюкзак оказывается неподъемен — килограммов 35—40, но, изловчившись, кое-как выползаю с ним до нашей ночевки. Прошу Ахмеда помочь вынести остальное, так как чувствую, что работа на пределе. Он довольно равнодушно идет за мной с двойным выночным мешком из грубой шерсти. Не рассматривая, столь же безучастно, укладывает в один мешок голову с рогами, а в другой — шкуру с пястными и плюсневыми костями, взваливает на плечи и легко поднимается к перевалу. Дело как будто привычное. Я забираю остальной груз — грудную клетку, внутренние органы и таз, бросаю прощальный взгляд на озеро и Дагестан. Спасибо. На ночной стоянке грузим лошадей, взбираемся на седла. Какое блаженство после многочасовой стоячей работы! Новая встреча с Ивкиным, который поздравляет с удачей, поит нас чаем, дает советы, как сохранить шкуру, очистить скелет. К вечеру добираемся до базы заповедника, я рассчитываюсь с Ахмедом и отпускаю его домой, встречаюсь с Млекосевичем. На следующий день предстоит дальнейшая работа над трофеем.

Я описал здесь лишь самые первые эпизоды своих горных охот, проведенных экспромтом, в начальном этапе. Значительно успешнее и, главное, приятнее были дальнейшие охоты в окрестностях Закатал, Алабека и озера Халахи в компании с Ахмедом Млекосевичем и Михаилом Ивкиным. Мы добывали и выносили из горных ущелий и лесных чащоб диких свиней, косуль, серн и туров. При этом я не раз изумлялся быстрой и точной стрельбе, поразительной силе и выносливости моих новых друзей. И тот и другой были способны поразить за сотню-другую метров мелькнувшего на миг зверя и вынести из ущелья с помощью поняги 40—50 кг трофеиного груза. Своими дальнейшими успехами в зверовых охотах я во многом обязан их примеру. Подробнее о закатальских могиканах, их охотничьих навыках я, возможно, расскажу в другой раз.

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем в сезоне 1995—1996 гг.
за наличный и безналичный расчет
хвосты беличьи и колонковые
но договорным ценам.

610004, г.Киров, ул.Р.Люксембург, 23
факс: (8332) 62-29-57 телетайп: 172339 "Карат"

Контактные телефоны: (8332) 62-94-27 или 69-09-22

ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

СОКОЛЫ

Кречет. Самый крупный из обитающих в России соколов. Длина его тела 55–60 см, вес самца около 1 кг, самки — 1,5–2 кг. Клюв у кречета синевато-бурый, когти черные, ноги и восковица желтые, радужина темно-бурая. Среди кречетов встречаются как белые, так и серые птицы. У первых — низ тела сплошь белый, верх — белый с бурыми пятнами и поперечными полосами. У серых птиц окраска оперения в общем серовато-бурая с сизым или беловатым поперечным рисунком. Молодые птицы по окраске оперения слабо отличаются от взрослых, но восковица и лапы у них синеватые.

Кречет похож на сапсана, но отличается более крупными размерами и относительно длинным хвостом. Полет его быстрый; после нескольких взмахов птица быстро летит вперед по инерции, но не парит. Крик его грубее и ниже, чем у сапсана, передается как «къяк-къяк» или «кеек-кеек».

Обитает кречет преимущественно на скалистых морских берегах, в лесотундре и альпийском поясе гор. Гнездится на карнизах скал или деревьях, обычно занимает постройки других птиц (воронов, канюков). К размножению приступает рано. Уже в апреле, при морозах, самка откладывает 3–4 рыжеватых с красноватыми отметинами яйца и насиживает их около месяца. В насиживании принимает участие также и самец. Он же приносит корм к гнезду самке и птенцам. Молодые проводят в гнезде около двух месяцев. Кормятся кречеты преимущественно средней величины птицами (особенно белыми и тундровыми куропатками), леммингами, белками, зайцами. Распространены в Арктике и Субарктике Евразии и Северной Америки, а также в горах Алтая, Саян, Тянь-Шаня. Часть птиц круглый год проводит вблизи мест гнездовий, часть — откочевывает на зиму к югу (в лесотундре и лесную зону) или спускается с гор в долины.

Кречет с давних пор очень высоко ценился и считался лучшей ловчей птицей. В России охота с ним достигла наибольшего расцвета в XVII–XVIII вв., когда только на европейском Севере и в северо-западной Сибири ежегодно отлавливали и привозили в Москву до 200 птиц (часть из них — для подарков иноземным правителям). Общее количество кречетов в России сейчас, возможно, составляет лишь несколько сотен пар и продолжает сокращаться, что напрямую связано с их преследованием, браконьерским изъятием птенцов для соколиных охот, коллекционированием кладок, с усилением фактора беспокойства. Как редкий вид, внесен в Красные книги СССР и РСФСР.

Балобан. Очень похож на кречета, но несколько мельче (длина тела 45–60 см, вес около 1 кг, самка примерно на треть крупнее самца). Клюв у него синевато-бурый с черноватой вершиной, когти черные, восковица и ноги желтые, радужина темно-бурая. Окраска верха тела балобана в основном бурая, низа — беловатая с темными пятнами. У некоторых птиц на спине развит пятнистый или полосатый рисунок, либо все оперение однообразно бурое. Молодые птицы окраской оперения похожи на взрослых, ноги и восковица у них синеватые или сероватые.

Обитает балобан в лиственных и смешанных лесах, перекрещенных открытыми пространствами, в горах и степях. Гнездится на высоких деревьях или скалах, причем занимает постройки других птиц. К размножению приступает в марте — апреле, в кладке обычно 3–4, изредка — 6, рыжеватых или

буроватых с темными и красноватыми пятнами яйца. Насиживают их оба родителя около месяца. Молодые проводят в гнезде 40–45 дней. Его добычей служат мелкие и средней величины птицы и млекопитающие (жаворонки, голуби, грачи, суслики, полевки), которых он ловит как в воздухе, так и на земле. Распространен балобан на юге Центральной Европы, в России — на юге лесной зоны, в лесостепи и овражных лесах, а также на Среднем Востоке, в Монголии и Китае. Зимой кочует в пределах гнездовой области или отлетает к югу.

Как и кречет, балобан издавна используется на охоте как ловчая птица. Общая численность вида сейчас в России вряд ли намного превышает одну тысячу пар. На состоянии вида неблагоприятно сказывается деятельность человека, изменившая его местообитание, особенно вырубка лесов, неумеренное использование пестицидов в борьбе с вредителями сельского хозяйства, усиление фактора беспокойства. Как редкий и недостаточно изученный вид, балобан внесен в Красные книги СССР и РСФСР.

С. УСПЕНСКИЙ,
профессор

В. ЕСАУЛОВ

РИМСКИЕ ОХОТЫ

Охота всегда давала человеку ощущение счастья. Доказательством тому служат остатки древних мозаик и фресок на стенах дворцов и гробниц. «При чём же здесь гробницы?» — спросит читатель. А это — особенность мышления древних людей. Они представляли загробную жизнь как продолжение земной. Поэтому в росписях гробниц так много пиров, танцев и, конечно, охот. Примером может служить фреска со стен этрусской гробницы. Этруски — таинственный народ, чья цивилизация легла в основу цивилизации римской и предшествовала ей. На стене изображена охота с лодки. Охотники пользуются пращей. Птицы нарисованы очень условно, но в их легких, скользящих силуэтах в золотистом небе и в темных волнах сквозит все та же вечная радость охотничьего утра. Сцены поздних римских мозаик сложнее и изощреннее. В охотничьем дворце императора Максимиана (конец III в. н. э.) на

Охота на водоплавающих птиц (этрусская фреска)

острове Сицилия жили только в сезон охоты. Сцены мозаик тематически связаны не только с Сицилией, но и с Африкой, северное побережье которой в ту пору активно осваивалось Римом. Сама техника мозаик с блескками золотых, зеленых и лазоревых квадратиков — смальт — как нельзя больше подходит к императорским покоям. Наряду с изображениями богов и героев (здесь помечена богиня охоты Диана) встречаются сцены охот на львов, леопардов и кабанов. Римские аристократы охотились с коротким мечом, дротиками и копьем, очень похожим на нашу русскую рогатину (то же широкое лезвие и перекладина-ограничитель).

Другая мозаика (см. 3-ю стр. обложки) изображает охоту с филином, тоже издавна известную и у нас. В ней используется привязанный на видном месте ночной хищник. Слетающиеся к нему птицы становятся добычей охотников.

ОХОТА НА ГУСЕЙ В АМЕРИКЕ

А. ЧЕГОДАЕВ

«Предвкушение гусиной охоты, ее скрытый азарт сосредоточены в часовом бдении перед закатом. Мы стоим без движения в высоком камыше, глаза описывают дуги по небу. Гусей пока нет, но шевелиться нельзя. Малейшее движение может нас выдать. И потому ходят только глаза: поднимаются и врашаются, голова абсолютно неподвижна по мере того, как серое небо становится фиолетовым.

Мы прижали подбородки и подняли парки, чтобы лиц не было видно. Закралось сомнение: прилетят или нет? Может, профили плохие? Может, забыли на поле клочок бумаги?

Гуси здесь бывали каждые сумерки, но за сегодняшний день пролет мог сместиться южнее. Прилетят или нет? Мы водим глазами слева направо и справа налево. Лицевые мышцы напряжены до предела. Глубокая тишина кругом. Пока стояли, не обмолялись ни словом. Единственный звук — тихий шелест камыша, а между нами установилась безгласная связь: полное взаимопроникновение в мысли. Собственно, мысль лишь одна, общая: прилетят или нет? Ощущение тоже одно — все пересиливающее, покалывающее возбуждение. И потому мы напряженно ждем, без движения, и лишь водим глазами.

И вот доносится первый звук. Это почти неразличимый клич, но нас он преображает. Глазные мышцы обретают чуточку сил, чтобы сдвинуться дальше, но гусей еще нет в поле зрения. Мы заражаемся возбуждением. Еще один клич, на сей раз более громкий, а потом хор — и вдруг они врываются в поле зрения, в милю от нас и на высоте в четверть мили! Мы застываем в полной неподвижности, когда они начинают снижаться. Теперь мы знаем — их около двух дюжин. Уже в полумиле — приближаются невероятно быстро — клич становится громче. Машут распластертыми четырехфутовыми крыльями, скользя, как мощные снаряды, прямо и быстро.

За четверть мили мы беремся за ружья. Они продолжают приближаться. Быстро, но уже ниже. Вскидываю ружье, предохранитель долой, стреляю. Есть один! Выстрел — есть другой!

Выстрелы и гуси врываются в сознание, безмолвие и неподвижность сменились грохотом и движением. А потом они уходят. Мы ставим на предохранители и вылезаем из засидки. Вот один гусь — и другой! Всего два — норма одного охотника. Мы разражаемся восхищенным, переполняющим душу смехом. Вот она наша добыча!»

Так эмоционально описывает Джой Макгрэйл охоту на канадских казарок. Привычные к комфорту супруги внесли удобства в традиционную гусиную охоту — томительное ожидание перед рассветом в холодной глиняной яме. Не ожидая в засидке, когда налетят гуси, Джой и Билл отыскивают поле, где они кормятся на закате. Дабы не утруждать себя рывьем, они сконструировали переносную засидку. Такую засидку можно сделать, не надрываясь, за утро. Все, что для нее требуется, — это четыре куска армейской маскировочной сетки, старый брезент, четыре прямые прочные ветки шесть футов длиной и четыре двенадцатифутовые веревки, а также полдюжины хороших охапок той части камыша (или, точнее, рогоза), которую американцы образно называют «кошачий хвост».

Пока Билл превращает ветки в заостренные шесты, Джой расправляет сетку и продевает «хвосты» в ячейки плотными пучками. По двенадцати «хвостов» идет в каждый ряд, на расстоянии от 10 дюймов до фута (25—30 см) друг от друга, высываясь наполовину над верхом сетки, чтобы придать засидке «негеометрический», естественный вид. «Нашпиговав» сетку «хвостами» до отказа, ее свертывают вокруг шестов, дополнив охапкой для «завершающих штрихов» на месте установки и «текущего ремонта». Затем скатанную засидку оберывают брезентом, связывают веревками и в путь!

Любимые охотничьи угодья супружов не так уж далеки от Нью-Йорка, это — бухта Джеймс или Лонг-Айленд. Одеваются они на гусиную охоту следующим образом: Джой — тюленью парку, брюки и эскимосскую обувь «мулукки». Билл одет попроще: парка, брезентовые штаны и сапоги. Одежда должна хранить тепло, ведь стоять приходится не двигаясь, цвет ее — однотонный. Парки и свитера не сковывают движений при стрельбе, обувь непромокаемая.

Ружья у супружов для стрельбы канадского гуся — дробовые полуавтоматы 12-го калибра с тридцатидюймовыми стволами, марка ствola не столь важна, как его прикладистость: оно должно легко и удобно ложиться к плечу. Поскольку гусей стреляют на более дальних дистанциях, чем прочую, «неразрезную», дичь, желательны длинные стволы и полные чоки. На канадских гусей Джой и Билл применяют патроны «Магнум» с дробью № 2. Этот заряд имеет хорошую кучность; увеличенная навеска дроби нужна как раз для крупной птицы на дальние дистанции, хотя можно пользоваться и более мелкими, зарядами № 4 или № 6.

Несмотря на хорошую реакцию гусей на цвет и движение, их легко одуречь профилями или чучелами. Тут можно использовать все — от куч сорной травы до полотенец. Супруги пользовались силуэтами из фанеры или из загадочного для нас материала под названием «мейсонит» (видимо, что-то вроде ДСП), укрепленными на колышках. И делают чуть крупнее естественного размера для заметности, а шеи располагают так, чтобы они изображали естественное положение при кормежке. Десять—двенадцать профилей достаточно для охоты, еще гусиный манок — и экипировка завершена.

Место охоты Джой и Билл намечают за несколько недель до начала сезона, обследуя местные фермы и поля, где в сумерках кормятся гуси. Макгрэйлы проверяют многообещающее поле по несколько раз, дабы удостовериться, что это место постоянной кормежки. Самые лучшие поля — те, с которых снят урожай. Увы, в Америке после уборки на полях тоже остается зерно, хотя и в мизерном количестве, и потому, предостерегает Джой, надо быть очень внимательным при его поисках.

Найти хорошее поле — полдела. Теперь американским охотникам предстоит столкнуться с правом частной собственности на землю (у нас это еще впереди, поэтому давайте ознакомимся с чужим опытом). Наилучшие для охоты поля, естественно, окружены надписями «Не охотиться». Самая увлекательная часть «предохоты» на гуся в Америке — убедить владельца поля, что эти запреты именно на вас не распространяются. Подход Макгрэйлов к

разным фермерам был дифференцированным, но бутылка хорошего виски служила универсальным знаком признательности, если им давали «добро» на охоту. Позже, если охота была удачной, они всегда отдавали землевладельцу одного гуся.

Охота начинается за два часа до заката с установки засидки. Гуси приземляются у профиляй против ветра, поэтому засидку ставят чуть выше по ветру от чучел и примерно в семи метрах от «посадочной площадки». Несимметрично воткнув ветки в землю и обернув вокруг них сетку с камышом, засидку суживают у верхушки, на пол стягивают брезент. Такая засидка по завершении похожа на стог сена или соломы. После расставляют профили — они развернуты против ветра и собраны в «стая». Головы сделаны в разных положениях, и ставить их надо так, чтобы они отбрасывали настоящие тени, которые так же важны и так же заметны, как и сами профили.

Теперь надо отогнать машину метров на 100—200, проверить, не забыли ли чего, что может спугнуть гусей, затереть отпечатки ног у профиляй и войти в засидку. Последняя сигарета, ружья на предохранителях — начало ожидания. В течение часа появляются гуси. Держать ружье опущенным и сохранять неподвижность по мере того, как они, перекликаясь, приближаются, — наитруднейшая часть охоты. Что происходит, когда гуси появляются, мы уже знаем: каждая секунда приближает их на двадцать метров. За две секунды они будут вне выстрела. Приходится ждать, пока для обоих стрелков птица не окажется на линии огня. А теперь шесть футов упреждения — гусь свертывается в воздухе, второй — взмывает, упреждение вверх — выстрел... гусь ранен в крыло. Он замедлил полет, упреждение меньше, выстрел — падает. Рядом дуплетом бьет Билл — это значит два попадания. Промах повлек бы еще один выстрел.

Далее Джой делится секретами, более интересными женам охотников. Гусей потрошат сразу же: делают разрез сантиметров десять от основания хвоста к груди. Осторожно извлекают внутренности; печеньку сохраняют для паштета. В полости засыпают добрую пригоршню соли и как следует встраивают птицу. Затем гуся подвешивают за шею на кожаном ремешке под карнизом крыши с северной стороны. Гусям надо висеть овеянными ветром в таком месте, где весь день сохраняется тень. Пригодны для этого холодный амбар, неотапливаемая комната и верхняя полка холодильника со снятыми полками. Короче, температура за время выдержки (пять дней) гусей не должна превышать 2 °С. После этого их надо оцишивать.

Эту процедуру, издревле пугающую охотничих жен, тоже усовершенствовали изобретательные супруги. Чтобы пух не летал повсюду и не набивался куда не надо, «созревших» гусей, с об-

резанными на суставах крыльями, погружают в бросовую ёмкость, заполненную примерно 1,5—2 литрами расплавленного парафина, так, чтобы гусь был покрыт полностью. Его достают, десять минут дают остыть, после чего обдирают резкими рывками. С парафином уходит все перо, самые «упрямые» пеньки удаляют повторным «парафинированием», и птица становится совершенно гладкой.

«Душой» любого блюда из дичи является маринад — он придает дикому мясу исключительную пикантность. Вначале на дно глиняной посуды диаметром 30—40 см кладывается слой тонко нарезанных кружочками моркови, лука, веточки петрушки, лавровый лист, душистый перец, толченый чеснок, гвоздика и ягоды можжевельника. Сверху кладут гуся и покрывают слоем того же состава. Потом смешивают полторы бутылки доброго старого красного Бордо с эстрагоновым уксусом и оливковым маслом, добавляют несколько щепоток соли и заливают этой смесью гуся. В наших условиях сойдет любое красное сухое вино и любой уксус. Горшок закрывают и выставляют в прохладное место, но не на мороз. Время от времени птицу переворачивают, чтобы как следует пропиталась.

Через 3—5 дней гуся достают и насыхно протирают марлей. Теперь его можно готовить или положить в морозилку. За день готовится начинка из дикой вишни и каштанов. Она требует труда, но стоит каждой затраченной минуты и каждого ингредиента. Набить гуся надо плотно, но так, чтобы начинка из него не вытекала. Его надо как следует смастить жиром и постоянно добавлять жир во время жарки. Наилучший способ — покрыть кубиками масла, обернув гуся длинными полосками сала и жирной ветчины, чтобы они покрывали его полностью, а под каждой полоской было по нескольку кубиков масла. Этого хватит для медленного постоянного орошения жиром, в котором и заключается секрет приготовления.

Рисунок Б. Игнатьева

Успех на охоте с подсадной зависит от многих обстоятельств. В большей степени — от азарта и голоса вашей помощницы, затем — от наличия в окрестностях «холостых» селезней, от добротности оружия, от хорошего качества патронов, от умело выбранного места охоты, от правильно сделанного шалаша-укрытия, от благоприятных погодных условий и, наконец, просто от везения.

Лучший вариант, когда совпадают все перечисленные условия. Тогда ваше возвращение домой будет украшено веским аргументом — добычей, венцом всей охоты. И если бы это было не так — сама охота теряла бы всякий смысл.

Но вся беда в том, что в реальной жизни такое идеальное совпадение бывает крайне редко.

Начнем с подсадной. Конечно замечательно, если вам посчастливилось охотиться с настоящей подсадной, специально выведенной и отобранный энтузиастом-любителем, знатоком этого вида охоты. Даже просто наблюдать за работой такой подсадной — непередаваемое удовольствие. Но нашему брату-горожанину, живущему в каменных коробках, не под силу такая роскошь — разведение собственных подсадных. В большинстве случаев приходится довольствоваться случайно приобретен-

1

В. БОРЕЦКИЙ

УСПЕХ ОХОТЫ

2

ной: у знакомых или через знакомых, в охотхозяйстве или еще где-то. А это уже лотерея, в особенности если на охоту выезжаешь только на выходные. Если есть хоть небольшая возможность выбора, не берите утку молодую, впервые принимающую участие в размножении. Несколько раз мне попадались такие, и проку от них не было никакого, охота была испорчена. Старые утки светлее пером и несколько крупнее — учитывайте это при выборе. Далее. Крайне необходимо, чтобы у вас были в запасе 2–3 свободных дня перед охотой. За это время нужно сделать какую-нибудь, но все-таки подготовку, провести разведку и построить шалаши. В течение этих дней надо несколько раз сходить с уткой в угодья, высыживая ее каждый раз в разные места: на чистую воду, в заросли кустов, в оконца среди травы, на мелкое место, где поглубже... Сходите утром, днем, вечером. Называется это — вызарить утку. Понаблюдайте за поведением вашей помощницы. Заодно она несколько попривыкнет к вам, к ногавке, к воде (вполне возможно, что содергась она до вас без воды). За это время надо выяснить, в каком месте и в какое время она лучше зовет селезня: сразу после пуска на воду или после того, как хорошенько накугается; как долго «ра-

ботает» и т. д. В минувшем году, например, доставшаяся мне подсадная сносно «работала» на чистой воде, но напрочь отказывалась звать селезня в пойменных зарослях и сразу же забивалась в траву, если я сажал ее рядом с травой. Однажды попалась такая: как только оказывалась на воде, сразу принималась кормиться, словно ее год не кормили. Пришлось ее высаживать на глубокое место.

В общем, именно вам предстоит принаршиваться к утке, а не наоборот. Не сделав это заранее, потом все равно придется все это проделывать, но уже в процессе охоты, и драгоценное время будет бессовсем упущено.

В принципе высаживать подсадную на чистую воду всегда предпочтительнее. Даже если подсадная молчит, пролетающий мимо уж очень любвеобильный «кавалер» может с ходу спикировать к «даме». Правда, эффект от такой ее «работы» будет невелик, да и впечатления от охоты останутся несколько смазанными, хотя и лежит в рюкзаке добыча. Использовать в данной ситуации манок, как рекомендуют, конечно можно, но все манки, как правило, фальшивят; когда селезень близко — манить и вовсе нельзя, а если подсадная не даст «осадку» вовремя, подлетевший на манок селезень «сделает вам ручкой», — будьте уверены.

3

С подсадной

Ну а уж если рядом орут утки соседей, а ваша молчит, — шансы добыть крякаша у вас равны нулю. Но выход есть. Надо попробовать использовать чучела, если, конечно, в окрестностях есть утки других пород. Вообще, использовать или не использовать чучела при охоте с подсадной — вопрос сложный. Сразу по прилету стайки пролетных уток подсаживаются к чучелам более-менее охотно, за исключением крякв, в силу их природной осторожности; сезон же весенней охоты открывается, когда пролетные стаи ушли дальше на север, а местные утки почти все разбились на пары и на чучела почти не реагируют, — чучела, естественно, теряют свою значимость. Но из этого вовсе не следует, что их не нужно брать на охоту. Бывает, что только на них и остается надежда. Чучел весной требуется немного, не то что на осенней охоте, зато их качество должно быть безупречным.

Во многих публикациях на эту тему говорится: высадить подсадную, а в сторонке посадить чучела. Однако подлетевший на крик подсадной селезень по обыкновению делает круг, а то и несколько, выискивая опасность. Обнаружив сидящие в стороне чучела, шарахается от них, как ошпаренный.

4

Это я наблюдал неоднократно. Вот и приходится выбирать: либо чучела, либо подсадная. Надо заметить, что стрельба влет на весенней охоте запрещена, а подсаживаются к чучелам, даже хорошо сделанным, — как я уже говорил — селезни других видов в это время очень неохотно, разве что чирки да хохлатая чернь составляют исключение. Поэтому, если не все шансы добыть селезня кряквы потеряны, от высаживания чучел все-таки лучше воздержаться. Подсаждят или не подсаждят к ним свинью, шилохвость или другой какой селезень — еще вопрос, а то, что чучела отпугнут крякву, — это определенно. Другое дело, если вы еще затемно пришли к своему шалашу и готовитесь к утренней зорьке, в этом случае можно поставить и чучела, в сумерках от них все-таки пользы больше, чем вреда. Затем, когда взойдет солнце, определитесь: снять их или оставить.

Иногда делают так. На чистую воду в 15—20 м от шалаша высаживают одну подсадную, а рядом с шалашом — другую. Шнур от ногавки ближней подсадной заводят прямо в шалаш. Периодически подергивают шнур, утка от беспокойства подает голос, а подлетевший на голос селезень видит дальнюю подсадную и к ней подсаживается.

Необходимо взять за правило: прежде чем высаживать подсадную, надо полностью подготовиться к стрельбе. Все лишнее убрать в шалаш или замаскировать, собрать и зарядить ружье, проверить, удобно ли будет стрелять из шалаша...

Сколько раз допускал я оплошность, пренебрегая этим правилом, и первый, а иногда и единственный селезень улетал восвояси. Наконец все готово. Оставляйте в шалаше заряженное ружье, в заранее проверенном месте, выпустите подсадную и бегом возвращайтесь в шалаш... Зачастую утка тут же начинает звать, а едва успеешь скрыться в шалаше, как сверху раздается «жвя...жвя» — и вот он, красавец!

Бывает и так: просидишь час, другой, и утка кричит, а селезней нет. В этом случае можно попробовать сменить место. Для этой цели (желательно заранее) нужно сделать один-два дополнительных шалаша неподалеку. Бывало и такое: просидев без выстрела почти всю зарю и потеряв всякую надежду на успех, приходишь в запасной шалаш, и едва подсадная начнет звать — селезень тут как тут, словно только тебя и дожидался.

Если сносно работавшая днем раньше подсадная упорно молчит, а чучел у вас нет или незаметно присутствие на водоеме уток других пород, можно также попробовать сменить место либо посадить подсадную на полчаса в ящик или корзину, укрыв курткой, чтобы было темно, — иногда это помогает. После высадки на воду она как бы вспомнит о своих обязанностях, правда ненадолго. Швырять каменьями и палками в молчащую подсадную — занятие бесполезное. А частенько приходится наблюдать такую картину: когда раздосадо-

ванный хозяин вылезает из укрытия и пытается подобными методами, да к тому же сопровождая все это определенными эпитетами, заставить подсадную работать. Утка не магнитофон, а существо живое, к тому же пол, извините, слабый и, может статься, ей просто не до любви в этот злополучный день.

Бывают и комические ситуации, когда, наоборот, буквально охрипшая и сорвавшая голос подсадная издаст звуки, совсем не напоминающие обычное кряканье, в этом случае надо чисто человечески пожалеть бедную птичку и дать ей возможность передохнуть в корзине.

Из двух зорь — утренней и вечерней — предпочтительнее первая. Утро само по себе явление в природе прекраснейшее, может, и птицы это чувствуют. Во всяком случае, большинство подсадных лучше работают утром. Но, зная это, к сожалению, и большинство охотников также предпочитают охотиться по утрам. А шансов на успешную охоту тем больше, чем меньше в угодьях конкурентов — собратьев по страсти. Следует поразмыслить и, возможно, предпочтеть вариант охоты на вечерней зорьке. В принципе, если это разрешается правилами охоты в вашем хозяйстве, можно охотиться и днем, но на зорьках охота все-таки бывает результативнее, да и впечатлений от нее остается больше.

Следующий фактор — наличие «холостых» селезней в угодьях, где проводится охота. Как бы ни прекрасно работала подсадная, но если нет в округе селезней — все без толку, радостное настроение постепенно сменяется раздражением, все краски чудесного утра в ваших глазах начинают меркнуть, в голову лезут всякие подозрительные мысли типа «чтоб я еще сюда поехал... гори она синим огнем, эта охота...». Хотя вы прекрасно знаете, что все равно поедете, все неудачи быстро забываются, и уже завтра будете снова полны новых надежд и ожидания новых впечатлений.

Надрывает подсадная, где-то в кустах жвакает-откликается селезень, но на зов не летит и не приплывает. Это «женатик» со своей подружкой справляют «медовый месяц». Судя по жваканью, этот ловелас не прочь и новое знакомство завести, да никак не решается отлучиться от своей супруги. Будем считать, что это не наш. А нашего все нет. Чтобы такое не случилось, перед охотой необходима разведка. Хорошо, если вы охотитесь из года в год в одних и тех же местах. Но если разлив очень большой или, наоборот, совсем малый, в угодьях все будет по-другому.

Слишком рано производить разведку не следует. За неделю-две все может измениться: уйдет вода и приметное местечко окажется на суше, улетят дальше на север утки, которых вы наблюдали в большом количестве, и на месте предполагаемой охоты станет пусто. В чем же заключается разведка?

Надо установить, где, какие утки концентрируются, и, самое главное, определить пути пролета утиных стаек по угодьям. Кряковые селезни на зорьках, совершая облет угодий, тоже частенько пролетают по одному и тому же маршруту. Для этой цели хорошо иметь с собой бинокль. Шалаша желательно ставить в местах пролета. Тогда и с подсадной можно будет охотиться, и, самое главное, в случае неудачи можно будет попытать счастья в охоте с чучелами. Словом, от правильно выбранного места охоты будет зависеть ее результат.

Во всех охотничьих справочниках говорится, что шалаш — укрытие — надо делать из материала, взятого на месте его постройки, для того чтобы он не выделялся на окружающей местности. И что же на деле? Каждую весну наблюдаю одну и ту же картину: среди разливов на желтом фоне полузатопленных лугов, бровок канав, тут и там возвышаются внушительных размеров ядовито-зеленые пирамиды, добротно сработанные из сосняка и елового лапника. Они не только выделяются — они прямо бросаются в глаза своей нелепостью, так как лес зачастую находится от них в полукилометре. Возведением этих «дворцов» на лугах чаще всего отличаются приезжие, столичные охотники. Местный контингент предпочитает охотиться на лесных болотах и в поймах рек.

Укрытие для сидящего охотника (а на весенней охоте удобнее всего сидеть) нужно делать не большим и не высоким. Чем меньше шалаш, тем легче его замаскировать под окружающую местность. Задняя стена должна быть плотной, передняя — пореже и пониже. Верх тоже можно сделать неплотным. Впереди, на уровне глаз, надо сделать одну горизонтально вытянутую цель-амбразуру, чтобы можно было в ней свободно поводить стволами ружья влево-вправо и несколько вверх.

Селезни весной очень крепки на рану из-за плотного зимнего оперения; во все не редкость, когда после, казалось бы, верного выстрела по сидящему селезню, тяжело хлопая крыльями, квшему изумлению, взлетает, и его приходится достреливать уже влет. Попробуйте-ка это сделать из «пирамиды», с мощной передней стенкой и маленькими бойницами для стрельбы! А ведь шалаша такой конструкции самые распространенные в нашей местности. После того как шалаш готов, маскируйте его материалом, взятым тут же, на месте: травой, камышом, ветками, сеном... Очень хорошо, если издали он будет выглядеть естественно, походить на старую копешку сена, густой куст, кучу хвороста. В таком шалаше вы будете охотиться весь сезон успешно, хозяин же упомянутой пирамиды может рассчитывать на успех в первый день охоты, до интенсивной стрельбы. На окраине леса, если в нем растут хвойные деревья, шалаш делается из веток и маскируется лапником, муд-

рить тут особо нечего — лишь бы стреляло из него удобно.

Итак, шалаш-укрытие должен отвечать трем основным требованиям: маскировать охотника, не являться помехой для стрельбы и не выделяться на окружающей местности.

Грош цена всему вашему труду, если после верного выстрела на воде осталась кучка разноцветных перышек, а сам селезень улетел. Поэтому еще одним и очень важным условием успешной охоты является надежное оружие, качественно и грамотно снаряженные патроны.

За три десятка лет охоты в моих руках побывала дюжина ружей разных марок. Смею утверждать: нет плохих моделей — есть плохие охотники. Практически к каждому ружью можно подобрать заряды и добиться более-менее приличного боя. Каким образом это делается, вы узнаете в охотничьей литературе. Другое дело — как и где производить пристрелку, без которой не обойтись, подбирая заряды. Судьба в своей милости с избытком предоставила мне такую возможность за 20 лет работы в дальних экспедициях и партиях. Проблемы, где и как пристреливать, не возникало, и экспериментировать можно было вволю. Рекомендо-

вать что-либо в этом плане горожанину, ведущему оседлый образ жизни, не берусь, но выход из положения найти надо обязательно.

Многие поступают просто — покупают готовые патроны, тем и довольствуются. Для летне-осенней охоты, если у вас обычная, чок-получок, двустволка, такие патроны вполне сойдут, а вот для весенней, по меньшей мере, проверить бой своего ружья упомянутыми патронами на кучность и резкость надо обязательно. Если окажется, что эти параметры недостаточны для стрельбы на нормальную дистанцию, а заниматься пристрелкой и подбором зарядов нет возможности, выход один — стрелять на заведомо меньшую дистанцию, высаживая поближе к шалашу подсадную или чучела. При этом шансы на успешную охоту значительно падают, особенно в последующие после открытия дни, когда «настеганные» селезни делаются чрезвычайно подозрительными и осторожными.

Идеальный вариант, на мой взгляд, оба чоковых ствола и патроны кучного и резкого боя с применением пыжей-концентраторов. Оказавшегося на близком расстоянии селезня можно всегда добить, беря прицел рядом с головой и грудью с расчетом пораже-

ния боковыми дробинками, чтобы не испортить тушку. Зато сидящий на прёделе селезень, что, кстати, чаще всего и бывает, будет бит чисто и на-верняка. Стрелять же патроном близкого, так сказать, боя далеко сидящего селезня — недостойно охотника. Зря погубите птицу — и только.

В заключение хотелось бы предостеречь молодых охотников от свойственной им излишней самоуверенности и напомнить, что человек с ружьем — это еще не охотник. Мастерство и умение, как и в любом деле, приходит с годами и опытом, не следует форсировать события. А самое главное — не злоупотребляйте вседозволенностью, не губите зря матушку-природу, ибо все мы дети ее, и будет очень жаль, если наши дети уже никогда не смогут испытать того, что было отпущено нам, и не будет нам прощения, если не сумеем все это сберечь.

1. Погрузив подсадную утку в садок, охотник отправляется к заветному месту где его ждет надежный шалаш
2. Чучел весной требуется немнога, не то что на осенней охоте, зато их качество должно быть безупречным
3. Этот налетевший на скрадок и сбитый первым же выстрелом гусь-гуменик навсегда сохранился в памяти охотника
4. Время между утренней и вечерней зарей. У таёжной избушки

Фото О. ГУСЕВА

ВОПРОСЫ—ОТВЕТЫ

Вопрос. Какие пули следует применять в оружии со сверловкой «парадокс»?

Ответ. Пули «парадокс» должны иметь цилиндрическую ведущую часть с проточкой посередине, то есть, по сути дела, должны иметь два ведущих пояска. Проточка между ведущими поясками обматывается шпагатом, пропитанным смесью воска и несоленого животного жира или парафина с тёхническим вазелином. Это помогает создать при выстреле лучшую обтюрацию и уменьшить прорыв пороховых газов. Пуля изготавливается из 85 % свинца, 10 % олова и 5 % сурьмы. Дно пули плоское, а передняя часть может быть конической с закруглением вершинки или оживальной. Передняя часть пули может быть изготовлена с цилиндрическим или коническим углублением по оси пули для увеличения ее экспансивности. Встречаются пули и с медным колпачком, закрывающим спереди имеющуюся внутри пули полость. Такие пули с начальной скоростью 400—425 м/с не срываются с нарезов, имеющихся на нарезном чоке («парадокс»). Для примера вес пули 12-го может быть равен 42 г, а 32-го — 19 г, но не более. Лучше, чтобы вес пули был не более веса пуль, рекомендуемых для данного калибра гладкоствольного оружия, т. к. сейчас появились «парадоксы», по прочности не превосходящие обычное

гладкоствольное ружье, да и порохов у нас нет для снаряжения полноценного патрона к оружию «парадокс». Диаметр пули по ведущим пояскам должен быть равен диаметру по нарезам, а не по полям.

Вопрос. Как снарядить патрон для «парадокса»?

Ответ. На пороховой заряд, рекомендуемый для снаряжаемого калибра, досыпается 3-мм пыж из твердого картона. Затем помещается войлочный осаленный пыж высотой не менее половины калибра. Сверху этого пыжа кладется неосаленный пыж из фетра, войлока или древесноволокнистый. Высота его должна быть после досыпки пули достаточной для закрутки гильзы способом завальцовки или опрессовки прибором «звездка». Эта величина должна быть равной 4—6 мм для завальцовки и 9—11 мм для опрессовки. Класть пыж на пулю не следует. Если пуля с пустотой в головной части, то парафином или воском ее заливать не нужно.

Вопрос. Каковы нормативы боя пулей оружия «парадокс»?

Ответ. «Парадокс» следует пристрелять по крайней мере на 50, 100 и 150 метров. Хорошим боем «парадокса» можно считать такой бой, при котором разброс пробоин в мишени при серии из 5 выстрелов не будет превышать 5 см при стрельбе на 50 м, 8 см — при стрельбе на 100 м и 12 см при стрельбе на 150 м. Если же разброс пуль будет соответственно превышать величины

8 см, 15 и 23 см, то надо искать причину повышенного разброса либо в конфигурации канала ствола (износ, погнутость и т. п.), либо в конструкции патрона (диаметр пули не соответствует диаметру канала ствола, неправильно подобран пороховой заряд, плохая обтюрация пыжей и т. д.).

Вопрос. Какие пули лучше всего использовать в охотничьем оружии, имеющим традиционные калибры гладкоствольного оружия, но стволы которого полностью нарезные, а нарезы имеют относительно калибра небольшую глубину, но очень широкие?

Ответ. Конструкция пуль должна быть такой же, как для оружия со стволами «парадокс».

Вопрос. Как влияет изменение длины ствола у оружия калибра 7,62 мм на начальную скорость полета пули?

Ответ. При начальных скоростях ниже 700 м/с изменение длины ствола от 500 до 600 мм дает приращение скорости на каждый сантиметр около 2 м/с, а изменение длины ствола от 600 до 800 мм дает приращение скорости на каждый сантиметр не более 0,8 м/с.

При начальных скоростях выше 700 м/с, но не более 800 м/с, при увеличении длины ствола от 500 до 600 мм прирост скорости на каждый сантиметр около 3,3 м/с, а при увеличении длины ствола от 600 до 680 мм прирост скорости не более 2,3 м/с на каждый сантиметр.

Ответы подготовил М. БЛЮМ

ВАСЯ-ВОЛК

Михаил БУЛГАКОВ

Нежданная в апреле вода рухнула с небес на девственные архангельские сугробы, и от реки до заброшенной в тайге деревни я добрался под сильным дождем уже ночью. Одежда и рюкзак нагрузили влагой так, что гнули меня в три погибели к сырой матери-земле...

Электрический фонарик, упакованный в прозрачный пакет, исправно служил всю дорогу и все-таки не выдержал: часто-часто заморгал да и ослеп. Но в последнее светлое мгновение я успел заметить, как из ближних кустов ко мне бросился крупный серый зверь. От неожиданности я споткнулся и плашмя повалился в лужу.

Зверь подбежал, больно ткнулся мордой мне в ухо и, горячо дыша, облизнул шершавым языком лицо. Господи, откуда взялась собака? Впрочем, окажись зверь волком, я все равно бы не шевельнулся.

Незнакомая лайка настойчиво теребила одежду и цапала за шиворот, словно хотела помочь мне подняться. Холодная вода просочилась к голову телу, затекла в сапоги, и я едва нашел в себе силы встать на четвереньки и высвободиться из тугих рюкзачных лямок.

Отдышался, долго ворочал рюкзак, но не смог взвалить его на плечи. Кто выдумал, что охота пуще неволи? Охота пуще воли!

Мне стало стыдно перед животным за свою беспомощность, и собака, поняв это, брезгливо отвернулась, — век бы не видать неуклюжую возню.

Перестав соображать, я сидел в луже рядом с рюкзаком и чувствовал, как по спине струятся противные ручейки. Лайка удрала в темноту, но быстро вернулась, а следом за ней пришел на выручку приятель, ушедший к деревне с переправы часом раньше.

Деревней назывались темные, вросшие в землю срубы. Они давно не пахли ни Русью, ни русским духом, но для охотников все равно были родными. Всех дел-то — затянут пленкой крышу да починят печурку в избе.

Пока шли к своему очагу, заметили, что в одной из маячивших впереди развалин мелькнул слабый огонек. Так вот откуда взялась лайка!

Собака бодро бежала перед нами, поминутно останавливалась и оглядывалась, приглашая поторопиться. Но наш дом стоял на отшибе, и мы свернули с улицы в сторону.

Лайка несколько раз нервно тявкнула и скрылась. Потом появилась у крыльца, терпеливо стояла под дождем, вопросительно виляя мокрым хвостом. В дом не просилась. Но мы уработались так, что, не раздеваясь, залезли на деревянный топчан и проспали до

свету, до тех пор, пока не замерзли. Разбудил нас не только холод, но и собака: она настырно скреблась в дверь, тихонько взлаивала.

Мы перешли и вышли на улицу. Дождь кончился, вода залила тропинки, и шлепать к хозяину собаки пришлось по лужам. В одну ночь осели, потемнели сугробы и своей унылостью странно изменили вчерашний зимний пейзаж.

Только теперь разглядели собаку. Вот это кобелина! Никогда в жизни не видел я такую огромную лайку. Волк, живой волк! Разве что хвост тут кольцом на спине лежит. Нет, не волк все-таки. Но и не лайка: по серой шерсти там и сям порочно расплылись рыжие пятна.

Собака привела нас к наполовину сгнившей хибаре. Ее уцелевшую часть с давних пор облюбовали ягодники. Их алчные набеги нас почти не беспокоили — ягода не дичь, грэби сколько унесешь, — на всех хватит. Здешние болота шагами не обойти, верстами не измерить.

— Эй, хозяева, гостей ждете? — громыхнул я кулаком в дырявую дверь.

Из недра домушки послышался слабый голос, и мы шагнули в мрачные сени. Не светилья была и убогая каморка: потолок низкий, с черной бахромой сажи от коптящей печки.

В углу нар сидело небольшое, едва ли крупнейшее собачки существо в лохмотьях. Оно шевелилось и задышливо сипело простуженными легкими.

Вася. Рыбак. Из Вологды. Переярнулся на реке вместе с плотом в ледяную воду. Четыре дня ничего не ел.

Черт бы тебя побрал, Вася! Мы охотники, а не армия спасения, на охоту приехали, а не во фронтовой лазарет для эвакуации больных и раненых.

Но наш новый знакомый просил немного: краюху хлеба, горсть крупы и несколько папиррос. Да ты что, Вася, тёба в больницу срочно тащить надо!

— Ниче, оклемаюсь дак, — вот и весь хриплый ответ.

Молодец, Вася! Одним махом разрыз горсть принесенных нами таблеток, маленько попил целебной перцовой водочки, поел вдоворь свиной тушенки... и ожил. И превратился из «существа» в паренька, по-северному дробненького, но симпатичного. Это потом мы узнали, что «паренька» Вася почти сорок лет от роду. Силен бродяга: в два дня выкарабкался, можно сказать, с того света. Ну, теперь давай, Вася, рассказывай, кто ты таков, как дошел до жизни такой и почему очутился за триста верст от дома в гибких местах.

— А че рассказывать? В вологодском лесном управлении работаю. Че? Не дорос, рабочий я, визирки рублю, столбы квартальные ставлю. Вы не глядите, что я малой, — когда лес рублю, щепки летят так же, как у всех. Не, городским лет пять, как заделался, я вожегодский, из деревни Падчевары, километров шестьдесят отсюда. Ивана Квасова? Знаю, отчего не знать, только он с Бекетовской. Старый уже сделался, на рыбалку не ходит, ягоду у дома щиплет.

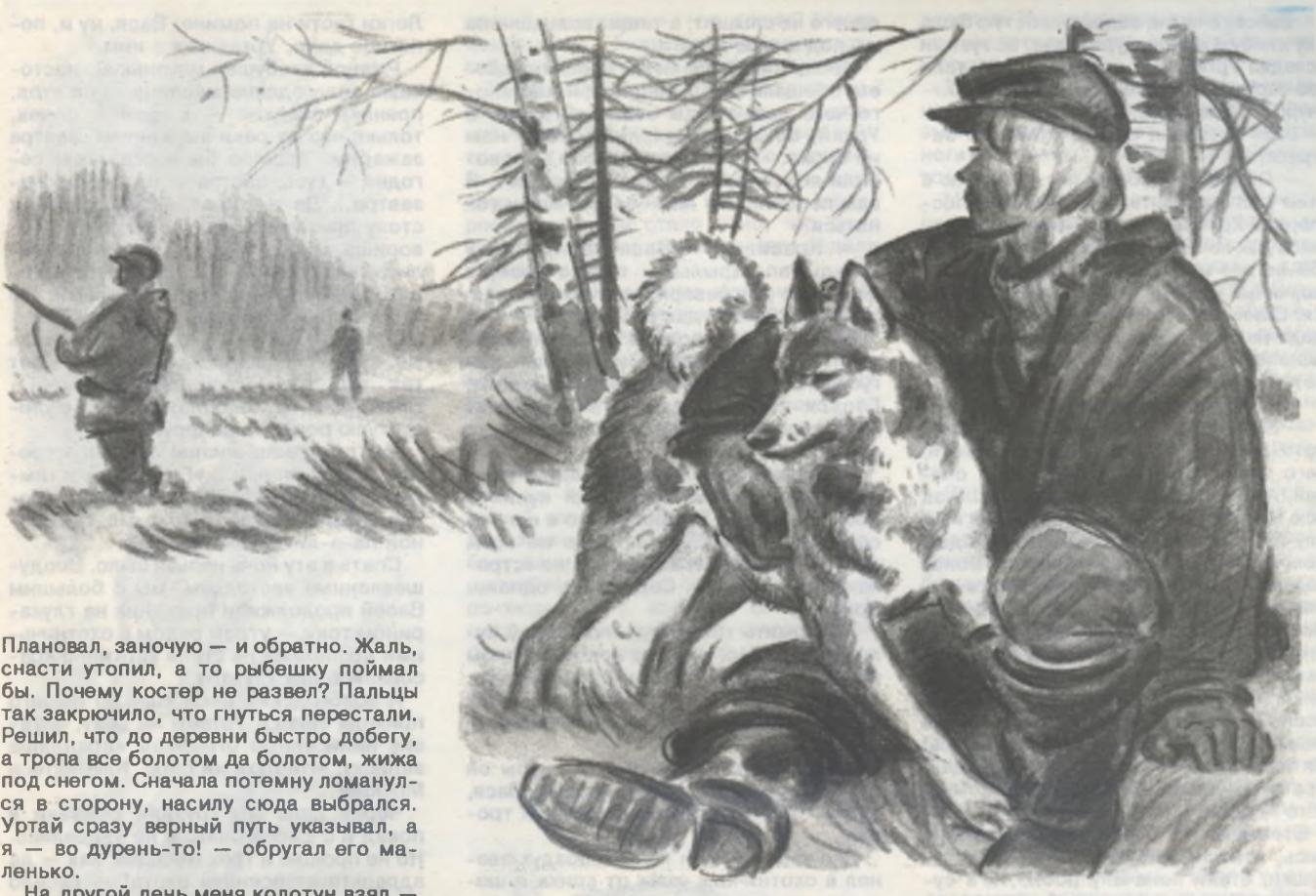
А я не только рыбак, это я сейчас на рыбалку вырвался, осенью и зимой с ружьем шатаюсь. Чего — «за чем»? За всем: куница, бобер или норка дак, — зверя хватает. Кобла моего видали? Он у меня мастер на все лапы, Уртаем звать. За длинным рублем другой раз в тундру мотану, оленей там с вертолетов стреляем на мясо. Да нет, длинный-то рубль не получается, это просто говорят так.

Меня к лесу дед приучил. Батя всю жизнь в дальних странствиях провел, появится ненадолго, набедокурит — и опять по этапу. Я с дедом рос. Без него мать с нами окочурилась бы. И без леса тоже. Дед знал лес, как свой двор, в одиночку любил лазить. И меня привадил, на пару куролесить стали. Не дед был — скала, из топора кашу сварит, а не пропадет. Когда он помер, я стал один ходить, кровь, наверное, дедовская играет дак.

Че? Кого мне бояться-то... Я никого не замаю, стало быть, и меня никто не тронет. Я лес люблю, плотничать из-за леса бросил, на лесную работу подался. Жена сначала подпрыгивала, а потом ниче, привыкла. Когда лису приташу, целует дак. Или рыбу. Теперь жену от хариусов за уши не оттащишь, а их под Вологдой с огнем не ссыкать. Я ебаки-от и заправляю, мол, за хариусами еду. Че? Когда как. Не, по загривку не попадало, окунь или там сиг — рыба тоже неплохая.

Бес меня сей год попутал. К ночеве уже стал готовиться у Горелого моста, ну и наткнулся в кустах на чёй-то плот. Тот берег сырой, снег ёще кой-где лежит, дай, думаю, ночеву на высоком берегу устрою. Елки-палки, стремнину проскочил, почти к берегу прикалил, а шест на дне скользнул по льду, я раскорячился, ну и мыркнул вместе с плотом. Рюкзак, топор, коробушка с уловом — все ко дну, глубоко, метра три будет. Только спички в целлофановом мешке сухие остались.

Я бы реку вплавь обратно переплыл, а че толку? На рабочий поезд все равно не успевал, избушку братьев Всеяловских у брода в прошлом году спалили, вот я и удумал до деревни добраться.

Плановал, заночую — и обратно. Жаль, снасти утопил, а то рыбёшку поймал бы. Почему костер не развел? Пальцы так закрючило, что гнуться перестали. Решил, что до деревни быстро добегу, а тропа все болотом да болотом, жижа под снегом. Сначала потемну ломанулся в сторону, на силу сюда выбрался. Уртай сразу верный путь указывал, а я — во дурень-то! — обругал его маленько.

На другой день меня колотун взял — ни охнуть ни вздохнуть, а потом силы куда-то делись. К ночи совсем худо сделалось. Шмотки драные, какие на стенах висели, на себя напялил — все равно мерзну. Дымоход забит, печку не раскочегаришь, дымит проклятая, чуть не задохся. Лучин надрал, стал жечь. Когда огонек горит, вроде бы как теплее. И веселей. Еще меня Уртай согревал, жался ближе к сердцу, хотя и сам трясясь от мокроты. Потом он где-то грача поймал. Грача! Его в тайге и в десять лет не увидишь, а он поймал. Принес, положил у двери, а самого след простыл. Не знаю, себе дак или мне поймал. Хотел я сварить грача в консервной банке, а его крысы ночью стащили.

Почему не выбрался к железной дороге? Думал отдохнуть, дождь пережидал, а тут — вспомнил, что охота открывается, вдруг охотники приедут? Не, «смерти я в глаза не смотрел». На кой? Гляди не гляди — все равно не пересмотришь. Тошно стало, когда Уртай исчез, а он, оказывается, поччял, что дело швах, побежал людям искать. Ну, не пришли бы вы... Как-нибудь осилил бы пять верст до железной дороги: хоть ползком, хоть как. А че делать-то — загибаться? Дочапал бы дак...

Мы с приятелем (тоже Вася! — только большой) перетащили маленькоого Васю в свою крепкую и теплую избу, и скоро простуда отлетела от вологжанина, как засохшая грязь от его сапог.

Он скинул с плеч засаленное рванье, соскоблил со щек недельную щетинку, расчесал на пробор лыньяные волосы. Ты что, Вася, на танцы собрался? Скалит в ответ темные от табака зубы, мотает головой, но украдкой косится в осколок зеркала на самодельном умывальнике.

— Завтра махну в Вологду, хватит даром хлеб жевать, засиделся на нарах, жена с сыном скучают, — повторял он на все лады свои домашние мысли. — Жаль, что рыбой вас не угостили. Ну ниче, может, еще вернусь.

— Не суетись, Вася! Отлеживайся пока, а уж потом езжай себе с Богом.

— Дак я уже очухался, глянь, какая морда красная. Айда на тягу, вальдшнепов охота увидеть.

— Пойдем, коли охота, но ружье не дам тебе, Вася, сам с прошлой весны на тяге не стоял.

Уртая в чулан — и на опушку.

Снег уже растаял, на бугорках ветерок игриво шелестит прошлогодней сухой травой, а выше, там, где играет не с кем, просто гуляет меж голых ветвей. Вася пристроился под березой, мечтательно смотрит на закат.

В лесу поют зяблики, беспрестанно дроздят дрозды, в кочкастой мочажине бекасиха клычет. Чего надрываетесь, пернатые?

— Как же им не кричать, — улыбается Вася, — сколько времени дома не были,

волнуются: целы ли старые гнезда? А найдут их — радуются. Люди разве не так?

— Может, и так, а только ты, Вася, зубы мне не заговаривай про дом родной и все остальное.

Сам-то ведь из дому при первом случае дёру даешь. Гляди — Первомай сегодня, праздник, а ты где?

— А я там, где лучше. В лесу тепло.

— Когда крыши над головой нет, холод собачий, дождь льет — тоже тепло?

— Я не про то. Внутри тепло, — усмехается Вася. — Вот и ты сюда аж из Москвы забрался — это как? А я, когда в лесу сплю, деревню часто во сне вижу. Отец мой бузулдыгой был, а во сне — хороший. Чудеса...

Невидимые, где-то загоготали гуси. Их рассудительный говор приближался, стая величаво выплыла из-за леса, изорки птицы увидели нас. Беда! Важные гуси и гусыни от удивления словно поперхнулись, но тут же, вали вину за халатность друг на друга, подняли сварливую брань. Не слушая своего вожака, нарушили строгий походный строй и превратились в сборище анархистов.

— Ишь, как толкаются, ровно на базаре, — ткнул Вася рукой в небо. — Гусей мелкой дробью не достать, ну, да не все же стрелять по живому, иногда бывает и так: смотри и слушай. Тоже неплохо. Красиво.

Вместе с нами, задрав ушастую башку к небу и хищно щуря глаза, за гусями следил Уртай. Вот собака, удрали-таки из застенка. Ладно, сиди рядом, но — чур! — тише воды, не то...

Вася потрепал своего друга по затылку.

— Он у меня добрый пес, я люблю с ним разговаривать, другой раз и поспорим. Храбрый — до бесстоличи, волков так не боится. Я ему толкую, чтобы не лез на рожон, а он, если след волчий увидит, сам не свой делает. Сказывали мне, что вроде бы у его деда не то прадеда волчья кровь была наполовину, может, оттого он не трясется перед волками.

— А что, волков много здесь?

— Есть, как же без волков, они везде есть. Наглый теперь волк пошел. Хотя, чего зверя винить... Охотников, считай, не осталось, вот он и жирует. Я за всю жизнь всего одного застрелил и то случайно. Да пацаном вместе с дедом покойным два логова разорил. Вологодские охотники знакомые вовсё волка в глаза не видали. Ха! Охотники... Они меня волком прозвали из-за того, что пьяные хороводы не вожу с ними. А какой из меня волк? Волки у нас пока никого не съели, а медведь в прошлую осень Диме Звягинцеву руку по локоть размочалил. Да ты сам небось знаешь: Витию Всеволожскому, что у брода с братом жил, мишка тоже ребра помял. А то — волк...

Стемнело. В болотинке зашевелились, отошли от зимнего наркоза лягушки, стали поначалу робко, а в сумерках все нахальнее пробовать голоса. Чудные какие-то здесь лягушки: не квакают, а хрюкают, да так, что голос тяниущего вальдшнепа в этом хоре не вдруг отличишь. Но охотничье ухо не обманешь, а уж глаз за версту воробья увидит.

Тянет! Вальдшнеп тянет! Маленький кулик, не в пример грузному гусю, отважен до безрассудства и виснет прямо над головой. «Подальше отпустить надо», — мелькает в мозгу, но непослушный палец в горячке давит на спусковой крючок. Только второй, «холодный» выстрел остановил птицу.

— Сидеть! — рявкает Вася на Уртая, а я галопом бегу за добычей. Нету вальдшнепа... Вася, Уртай, на помощь!

Пес, ошалев от увиденного и услышанного, резво скачет по траве, по кустарнику и никак не может остановиться. Я топчуся на предполагаемом месте падения птицы, а Вася командует поиском. «Цас, — успокаивает он то ли меня, то ли собаку, — никуда длинноносый не денется, щас найдем, Уртай мясо у соседа сквозь стену чует».

Кобель наконец сбавил обороты и заходил на малых кругах, но теперь горячка порет сам Вася: «Че же ты, волчье семя, перед чужими людьми меня позоришь? Я его расхваливаю да, а он дичь ссыкат не может».

Уртай, смекнув, что рассердил хозяина, стал искать защиты и жаться к моим ногам. «Трус, — кипятится Вася, — отстань от человека!» Но Уртай уже

ничего не слышит, а тащит вальдшнепа из-под моего сапога.

Проценты у собаки мы просили вдвое, обещали сахар-рафинад и еще много чего для услады собачьей души, а Уртай, показывая длинный язык, нам не верил. «Эх, люди-человеки, — говорили его глаза, — креста на вас нет. Я вам легавая, что ли, — за птичками гоняться?»

— Красивый, — Вася расправил у вальдшнепа крылья, — только проку в нем мало для северного мужика, наши охотники не все дают его знают.

После захода солнца вечерний воздух перестал блуждать и устоялся, загустел. Вася широко зевнул: «Лепота! Глоток такого воздуха продлевает жизнь дней на пять». А я думаю — на все десять.

На пути к избе у тропки вдруг обявился еще один вертлявый кулик и после выстрела угодил прямо в цепкие собачьи зубы. «Эй, так дело не пойдет», — тяну я руку за птицей, но встречаю волчий оскал. Сердит ты, однако, дружок.

Накормить троих мужиков парой куликами мудрено, а вот на пробу женским зубкам они будут в самый раз. Так что, сколько Вася не отнекивался, вальдшнепы вместе с ним поехали в Вологду.

Чтобы успеть на поезд, из избы он отправился ночью. Что ж, прощай, Вася, удачи тебе на таежных да рыбых троихах...

Два дня, днем и ночью, воздух звенел в охотничьих ушах от крика и шелеста крыл гусиных стай. Мы с большим Васей до хрипоты спорили, как лучше приготовить гуся в полевых условиях, но гусиные окорочки, словно в единое телерекламе, недосыпаемо летели и летели в северную даль. Эх, нам бы пяток фанерных профилей для присады...

Мы затаивались под елками и не дышали, жгли сногшибательные заморские патроны по два доллара за штуку и за вечерним чаем опять жалели, что негде взять антоновских яблок и запечь с ними жирного гуся. Были бы яблоки, а уж гуся-то мы...

На третью утре сознались друг другу, что видели во сне, как после наших выстрелов гуси, уже ощипанные, горохом сыплются с небес прямо в чугунок. ПРИятель вскочил с нар, зачем-то заглянул в котел с отварными макаронами и нервно заходил от печки к столу. Но в избе было тесно, и, хлопнув дверью, он вышел на улицу. И тотчас вбежал обратно, судорожно схватил ружье. На крыльце хлопнул дуплет. Я тоже бегом наружу, глядь — приятель волочит за толстую шею здоровущего гуменника.

Вечером дымящийся гусь, правда без яблок, был с трепетом водружен на стол. Е-мое, сколько в гусе мяса, вдвое ни за что не съест! Приятные для охотника мгновения, когда дичины вдоволь: добытчиком себя ощущаешь, до брата через край души плашет. Такая, что и гостей не жалко попотчевать. Ба!

Легки гости на помине: Вася, ну и, понятное дело, Уртаюшка с ним.

Ржаной хлебушек мягонький, настоящий вологодское маслице — на стол, пряники сладкие — к чаю! А щучек, только что из реки выуженных, завтра зажарим. Хорошо бы всегда так: сегодня — гусь, завтра — щучка, послезавтра... Да ты, Вася, не колотись, к столу присаживайся. Вальдшнепы, говоришь, жены твоейшибко понравились, охотников, говоришь, поблагодарить велела? Рады стараться! Ой, что это ты еще достаешь... О Вася, Василий, какой же ты молодчина! Да ставь же, скорее ставь родимую на стол, вот так, так, к гусю поближе. А яблоки... Блажь все это, холодная водочка с улици гусю ровня, а не фрукты.

Как прекрасна жизнь! И новая встреча наша, и стол, и... «Где же моя темногла-а-а-зая, где? В Вологде-где-где-где, в Вологде-где. В до-о-о-е, где резной па-а-ли-и-са-а-а-ад...»

Спать в эту ночь нельзя было. Воодушевленные застолем, мы с большим Васем продолжили праздник на глухарином току, — утром рядом с охотничими доспехами на стене картино красовались два глухаря.

А вологодский Вася еще до нашего прихода ушел с Уртаем на реку, оставил написанную огрызком карандаша записку: «Ни пуха ни пера. Кланяйтесь Москве».

Через день мы грузили рюкзаки в поезд и с Васем больше не увиделись. Но не прошло и трех месяцев, как — да здравствует осенняя охота! — весело вышвыривали из вагона на насыпь тяжелые походные мешки. И не знали еще, что плохая выйдет охота, бэзутешная, грибами да ягодами только и притянетая. И хотя было нас четверо охотников и собаки трудились вовсю, а заскучали прежде времени, птиц на юг печально провожали — самим не порадили?

И тут у избы появился исхудалый до костей Уртай. Стал ластиться, лезть передними лапами на грудь и целоваться со старыми знакомыми, — как никак, а однажды выручили его хозяина из беды. А где же он сам, хозяин?

Уртай, не ответив, жадно бросился к еде, но, не дохлебав варево, воспаленными глазами заглядывал нам в лица, прыгал в сторону, звал к реке. Неужто опять что-то стряслось с Васем, будь он неладен? Завтра домой ехать надо! Ладно, прогуляемся, посмотрим.

Наши ревнивые псы идти на поиски отказались, а Уртай привел к Горелому мосту, где когда-то воевали и одержали победу над шалым медведем братья Всеволожские.

На реке кобель заметался вдоль берега. В траве валялись разбросанные котелки, кружка, облезлый Васин рюкзачок. Лесные зверьки успели разодрать и выпотрошить из него съестные припасы. У воды клубились спутанные рыболовные снасти. По худобе Уртая можно было догадаться, что хозяина он лишился несколько дней назад, а мы даже не знали его фамилию. Да

хотя бы и знали — что толку? Места безлюдные, беэмольные, спросить, куда запропастился Вася, нё у кого.

Побродили по берегу, боязливо глядывая в прозрачную воду, — нё утонул ли Вася? Наткнулись на старое костище и лежанку из ёлового лапника. Выходит, Вася провёл здесь нё один день. По выцветшим чайным и папиросям пачкам стало ясно, что Вася ночевал у реки полторы-две недели назад. Ну дела...

По договорённости железнодорожник-моторист обещал нас попутно подбросить на дрезине до узловой станции, и откладывать отъезд было нельзя. Иначе придется куковать в тайге еще двое суток, — рабочий поезд по местной ветке ходит два раза в неделю.

Дотащить вещички до железной дороги не проблема, а Уртая куда деть, — везти в Москву? Тяжкий это грех для охотника — умыкивать чужую собаку. Может, случится чудо и Вася отыщется? Нет, негоже бросать собаку, не по-людски это, возьмем ее с собой, оставим у кого-нибудь на узловой станции, объявление на вокзале повесим...

У переправы Уртай сорвался с поводка и убежал в лес. Через полчаса высунул нос из кустов, но в руки не

давался. Мы тронулись с места, авось пес увяжется следом, но Уртай остался у борда.

Дрезина запаздывала, замаячила надежда, что собака прибежит на призывные крики. Но вот задрожали под ногами шпалы, мотовоз заскрежетал тормозами, а Уртая все не было.

Мы наперебой просили моториста немного подождать, но в кабине ехала роженица из дальней деревни, и моторист таращил глаза: «А рожать в дрезине на ходу не пробовали? Что?! Пощли вы к черту вместе с чужой собакой, у вас своих целых три штуки! Он вытолкал нас на открытую площадку, захлопнул дверцу кабины и нажал на педаль газа. От резкого рывка мы попадали на рюкзаки и собак, а когда выкарабкались из них, уже плавно катили по рельсам.

Вдруг на насыпь выскоцил Уртай и помчался по шпалам. Сначала мы обрадовались и, подбадривая его, весело кричали: «Давай, Уртай, жми!» И он бежал вровень с колесами, потом стал уставать. Кинулись к кабине, заколотили кулаками по стеклу, но моторист зло щелкнул пальцем по циферблату часов и отвернулся.

Дрезина набрала приличную скорость, и Уртай безнадежно отстал, но продолжал бежать. Он так и не понял, почему его бросили люди, которых он никогда не предавал. А мы тряслись на грохочущей платформе, хотели и не могли отвести глаза от бегущей из последних силенок собаки.

О том, что случилось с Васей у Горелого моста, никто так и не узнал. Впрочем, есть одно странное обстоятельство, дающее надежду на счастливый исход. Спустя пару лет после этой истории мы опять попали осенью в знакомые места и встретили у реки шедших к поезду рыбаков. Спросили, знали ли кто из них Васю из Вологды. «Как не знать, — отвечали мужики, — добрый рыбак, только дикий какой-то, все один да один, словно волк». — «Да нё утонул, жив ли он?» — «А чего ему сделается, молодой дак еще, этой весной у Горелого моста рыбачил».

Вот тебе раз! Ай да Вася: в воде нё тонет...

Рыбаки торопились и, прихватив тяжелые короба с рыбой, зашагали по тропинке. «Эй, мужики! А Уртай, что стало с его собакой?» — крикнул я вдогонку. Рыбаки остановились, недоуменно переглянувшись и ответили, что никакого Уртая у Васи отродясь не бывало, на кой она рыбаку, собака-то?

Мы хотели расспросить подробнее: того ли вологодского Васю они знают? Но рыбаки ушли далёко и даже не огляднулись.

Рисунок Б. Игнатьева

Раиса Григорьевна Тростьянова родилась и выросла в Абхазии, в пограничном с Россией селе Сальме, расположенном на левом берегу реки Псоу. С 1969 года, после окончания биофака Ростовского государственного университета, работает в Кавказском заповеднике: сначала была экскурсоводом в Хостинской тисо-самшитовой роще, теперь сотрудник музея природы при управлении заповедника в Адлере.

Стихи начала писать несколько лет назад. Главное в них — образ живой природы и взволнованное поэтическое слово.

Раиса ТРОСТЬЯНОВА

В лес — как в дом

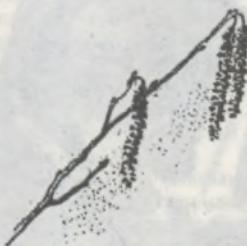
Друг мой! В лес входи,
как в дом,
В дом зеленый и огромный,
Шорохов и песен полный.
Миллионы жизней в нем
Нитью связаны одной.
Но у существа любого,
Крошечного ли, большого,
Мир таинственный и свой.
Даже маленький мирок
Сам к гармонии стремится:
Зверь, змей, букашка, птица —
Всякий знает свой «шесток».
И на сотни верст окрест
Гимном жизни величавым
Новый день, встречая, славит
Леса слаженный оркестр.
Друг мой! Знай — с древнейших пор
И в любое время года
В жизни Матушка-природа —
Лучший в мире дирижер!

Апрельские проталины

Запела талая вода!
Апрель и солнце очень скоро
Разрисовали на лугах
Снега чернеющим узором.
Проталины чуть заастут
Травой-щётиною зеленою —
Олени, туры состригут
И заедят землей соленой.
Зимы невзгоды позади:
Морозы, корм, сухой и скучный,
Сияет лето впереди
Своим раздольем изумрудным!

Желна, или чёрный дятел

Есть примета, говорят
(И приметили — не зря!),
Стонет жалобно желна, —
Знать, предчувствует она:
Очень скоро дождь пойдёт.
И «барометр» ведь не врет,
Видно, ломит кости ей
К непогоде все сильней.
Или тайны ей даны
Неба, солнца и луны,
Силы ветра и воды
И дыхания земли?!

Там лето пишет сказки

Там, где тают в облаках
Пики гор Кавказских,
В изумительных лугах,
Лето пишет сказки.
Лето делает мазки
Акварелью чудной:
Снежники, как островки,
В рамке изумрудной.
Теплой трогаю рукой
Белый снег, блестящий,
Рядом с ним — цветок, живой,
Тоже настоящий!
Знать, природа здесь сама
Заблудилась в красках:
С летом рядышком — зима!
Это ли не сказка?!

Пляски горных косачей

На проталинах жeltеет
Прошлогодняя трава,
Головешками чернеют
На току тетерева.
Гордых, важных и надутых,
Неостывших косачей
Осыпает щедро утро
Светом солнечных лучей.
На сегодня ток окончен:
Наплясались петухи!
Но никто из них не хочет
Славу уступить другим.
Отлетать собрались птицы,
Да насторожились все:
Рыжим пламенем лисица
К ним метнулась по тропе.
Косачи все смотрят зорко,
Не сводя с лисицы глаз.
Лишь один — спиной к тропке...
Схватит этого сейчас!
Что затеяла плутовка?!

Вежливо свернула вниз!
Знать, какая-то уловка —
Это водится у лис.
Обойдя весь ток низинкой,
Не взглянув на косачей,
Вновь взлетела на тропинку,
Скрылась, перейдя ручей.
Но, хитрунья, как и в сказке,
На заре теперь придет,
Подкрадется к брачным пляскам
И невидимой замрет.
Петухи в пылу и страсти —
Удаль показать свою —
Разойдутся в жаркой пляске,
Славя новую зарю.
Гордо выпячены груди,
Брови красные горят,
Песен громких?! Их не будет:
Птицы горные молчат.
Над землей, как на пружинках,
Друг за другом подскочив,
Акробатами, как в цирке,
Закружатся косачи!
Шелест крыльев, будто ветер,
Воздух, как огонь, горяч!
И лисицу не заметит
Ни один хмельной косач.
Выскочит, злодейка, мигом!
Зубы, когти пустят в ход,
И тропа внезапным криком
Пляски горные прервет...

**ОБЩЕСТВО ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
предлагает к поставке со склада в Москве
оптовые партии товаров
для охотников и рыболовов**

- оптические прицелы различных модификаций
- бинокли в ассортименте
- капсюли "Жевело", "Центрбай"
- патронташи (4 вида)
- чехлы для карабинов и ружей (9 видов)
- одежду камуфлированную и суконную
- пыжи войлочные, гильзы
- рюкзаки охотничьи
- резино-технические изделия (лодки, сапоги, чучела птиц)
- дробь, картечь, пули свинцовые
- приборы для снаряжения патронов
- рыболовные снасти
- маскалаты
- лыжи охотничьи
- сигнальные устройства

А ТАКЖЕ ДРУГИЕ ТОВАРЫ ДЛЯ ОХОТЫ, РЫБАЛКИ И ТУРИЗМА

Отгрузка товаров: самовывоз или контейнерами

тел. (095) 281-90-81, 284-01-44, тел/факс (095) 284-87-45

Пишите: 129090, г.Москва, ул.Щепкина, д.22, подъезд 3

**АООТ Инвестиционно-промышленная компания
«СЭМПЛ»**

**Охотничье и пневматическое оружие
Ижевского производства из первых рук!**

- система взаимозачетов
- охотничьи карабины "Тигр", "Сайга", "Лось", "Барс", "Соболь", "Вепр" — инкрустация, резьба, отделочные работы индивидуального и коллекционного исполнения
- изготовление прикладов, лож, цевьев из ценных пород дерева
- кейсы
 - ◊ обеспечение удобства, времени процедуры приобретения продукции
 - ◊ проработка, выдача заказа на необходимый перечень и контроль его выполнения
 - ◊ проведение финансовых операций и взаиморасчетов с заводами-изготовителями
 - ◊ организация проведения ремонта
- подарочные комплекты
- отгрузка гражданского и служебного оружия аэрофлотом, ж/д транспортом, спец.связью.
- рекламная продукция, фирменный каталог

Наши цены приятно удивят Вас!

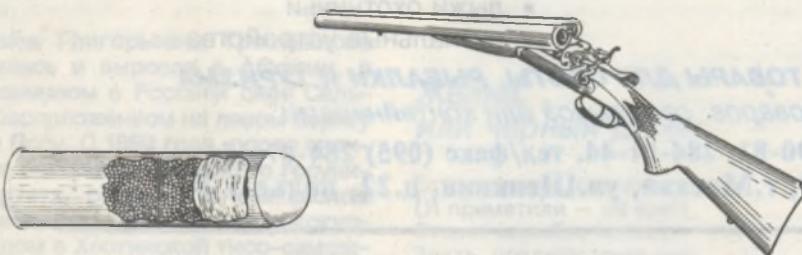
426057, Удмуртская республика, г.Ижевск, ул.Свободы, 173, факс (3412) 258-081

Прием заказов: Москва, т. 916-00-49, Орел, т. 6-50-42, Сургут, т. 227-344

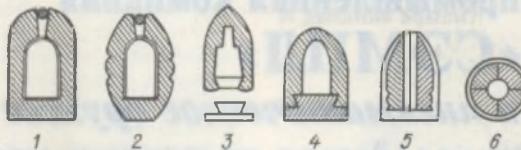
КРУПНОКАЛИБЕРНЫЕ ШТУЦЕРА

В. ГРИНЕР

Ружье. Москва, 1887

Двустрельный «слоновый» штуцер и цельнотянутый латунный патрон 8-го калибра к «слоновому» штуцеру.

Разрывные пули: 1, 2 — пули с медной чашечкой; 3, 4 — пули Форсайта (Forsyth); 5, 6 — новая сегментная пуля.

Долголетняя практика в выделке этого рода оружия приобрела фирме Гринера известность в этом направлении; эта отрасль оружейного дела может считаться одною из специальностей вышеупомянутой фирмы.

Вопрос о том — нужен ли большекалиберный штуцер на крупного зверя или нет, долго обсуждался. Сэндерсон, Кэртер и другие хорошо известные остиндские охотники решают этот вопрос в утвердительном смысле*.

Для того чтобы убить такое массивное животное, каков слон, нужно оружие, снаряды которого соединяли бы

большую силу проникания с не меньшою силою дробления и разрушения. Экспрессы бесполезны, так как пули их развертываются, а часто и разрываются на части задолго перед тем, как будет поражен какой-нибудь важный орган. Пуля Мартияк насквозь пронизала бы слона, но свалить его на месте могла бы лишь в очень счастливом случае, хотя рана в конце концов и могла бы оказаться смертельной. Дальнейшие рассуждения по этому предмету изложены в «Заметках об охоте в Индии и Африке», в которым автор и отсылает интересующихся этим вопросом.

Двустрельный штуцера лучше однострельных, и конечно материал и работа должны быть самого высокого качества. Автор полагает, что двустрельный штуцер 8-го калибра, специально устроенный для пули в 2 унции и заряжающийся латунной цельнотянутой гильзой, совершенно достаточен для обычновенной охоты по крупному зверю. До введения этих гильз 8-й калибр был в

* С другой стороны, известный «африканский» охотник за львами F. C. Selous в последнее время для слоновой охоты заменил штуцер 8-го кал. экспрессом 45-го; африканский же охотник сэр Самюэль Бэкер для той же цели заменил штуцер 4-го кал. экспрессом 577-го (см. «Field» № 1780, 6 февр. 1887 г.).

сущности 9-м; пуля его весила 872 грана. Затвор его может быть или тройным, системы Гринера (для внутренних или для низких курков, при обратных замках), или Ланкастеровским на винте, для более дешевых штуцеров. На рисунке показан двустрельный штуцер 8-го калибра, с тройным затвором и низкими курками.

Вес такого штуцера, при 24-дюймовых стволах, около 16 фунтов (англ.), но он может быть уменьшен до 13 фунтов. Гильза принимает заряд в 10 драхм, но, без всякого неудобства для стрелка, заряд может быть увеличен до 12 драхм; все это конечно при условии употребления латунной гильзы и сферической пули.

Прицел этих штуцеров нарезывается обыкновенно на 200 ярдов; прямой выстрел их — 100 ярдов; дальше этой дистанции они редко употребляются. Ложа непременно делается пистолетной, для более твердого обхвата при прицеливании.

Так же делают двустрельные штуцера 4-го калибра и с такими же затворами, как для 8-го кал., но стволы обыкновенно делаются гладкими. Они весят от 19 до 21 фунта (англ.) и принимают заряд в 12—14 драхм пороха и пулю в 1510 гран. Даже при этом заряде отдача легко выносится, выражаясь не резким толчком. Один из ост-индских охотников говорит, что однажды в руках его произошел выстрел из обоих стволов, заряженных 12 драхмами пороха каждый, сразу, и что он не заметил усиления отдачи.

Сила проникания пули 4-го калибра очень велика и может свалить на месте даже несущегося во весь опор слона, что часто бывает необходимо для спасения жизни охотника и его провожатых. Пуля 8-го калибра не всегда может это сделать, и раненое животное в немногие последние минуты своей жизни может сильно повредить охотнику.

Нет расчета терять раненого слона, так же как жестоко мучить его шпиго-ванием экспрессными пульками. Бить наповал, с возможно меньшей болью для животного, — вот постоянная забота истинного зверового охотника, а для этого, раз охота на слона, бизона или другое крупное толстокожее, нет ничего лучше, как 4-й и 8-й калибры.

На рисунке показаны пули Форсайта (Forsyth) и с медной чашечкой.

Первые разрывные пули имели пустоту, наполняемую порохом и сверху закрываемую обыкновенным капсюлем, взрывающимся при ударе. Пуля Джекоба (Jacob) представляет усовершенствование; это медная трубка, открытая с одного конца и снаряжаемая обыкновенным и ударным порохом. Эта пуля не всегда рвалась без отказа, почему Форсэйт ввел составную пулю, спрессовываемую из двух отдельных частей, отливаемых отдельно; ударным составом наполняется пустота верхнего сегмента, затем обе части помещаются в винтовой штамп, откуда они выходят плотно скрепленными. Такие пули годятся лишь для крупных калибров 16, 12 и 10-го. Аппарат для делания пуль довольно громоздок и стоит дорого; он состоит из двух отдельных форм и штампа.

Рис. 1 и 2 — пуля с медной чашечкой; 3 и 4 — пуля Форсэйта; 5 и 6 — новая сегментная пуля; сначала в особую форму отливаются сегменты, при помощи особого вставного стержня с крыльями. Эти сегменты связываются вместе, помещаются на более тонкий стержень и в другой форме отливаются тонким слоем свинца; такое устройство дается пуле для того, чтобы она рвалась в куски без помощи ударного состава.

Пуля с медной чашечкой приготавливается почти так же; медная чашечка или, вернее, коробочка на тонком стержне вставляется в форму и обливается свинцом; в оставшееся отверстие вспыхивает ударный состав, после чего оно залепляется воском.

Обыкновенно этот состав делается чувствительным лишь к удару, но его можно сделать и очень чувствительным, и тогда его нужно смешивать с большой осторожностью. Для этого нужно взять равные части антимония и бертолетовой соли, в порошке, и смешивать их костяным ножом на бумаге или гладкой тарелке.

Испытания обыкновенных штуцеров большого калибра производились в Нанхеде (Nunhead). Стрельба 13 1/2-фунтового штуцера 12-го кал. работы Голланда, испытывавшегося только на 50 ярдов, как и все прочие штуцера этой категории, была посредственна.

При 7 драхмах пороха и отдаче в 141 фунт отклонение получилось в 0,993 дюйма; оно оказалось на несколько сотых меньше отклонения его единственного соперника.

10-й калибр имел двух представителей, весящих 12 и 12 1/2 фунта, заряды были 8 драхм и 8 др. 5 гр., отдача 163 ф., отклонение 1,092 и 1,843.

8-й калибр имел только одного представителя, работы Голланда; весил 17 ф., 8 унц, заряжался 10 драхмами (для этого калибра очень легкий заряд, многие охотники кладут 12 и 14 драхм), отдача — 185 фунтов; отклонение 1,452.

Штуцер 4-го кал., того же мастера, весил 23 1/2 фунта, заряжался всего 12 драхмами (полный заряд 16 драхм), отдача превышала 200 фунтов (пределную допущенную) и потому не от-

мечена. Бил этот штуцер лучше штуцера 8-го калибра; отклонение всего 0,782 дюйма.

Разрывные пули для штуцеров крупных калибров, вроде описанных выше, достаточно испытаны на разных крупных зверях, и их способность моментально останавливать — хорошо доказана опытом; рана такой пули имеет свойство парализовать в гораздо большей степени, чем рана сплошной пули.

Между охотниками распространено убеждение, что маленькое количество состава, если его употреблять в пулях малого калибра, не может быть полезным. Для выяснения этого вопроса автор заполнял пустоты обыкновенных экспрессных пуль взрывчатым составом, залепляя их воском и стрелял в голову быка (зарядом в 3 драхмы). Входное отверстие было мало, но по вскрытии черепа мозг оказался совершенно разрушенным мелкими осколками пули, раздробившими также и кости. Затем испытывалась экспрессная пуля 450-го калибра, весившая 300 гран, таким же образом; так как пустота этой пули была меньше, то и взрывчатого состава поместились в нее меньше, но результаты мало отличались от полученных раньше; только разрыв происходил ближе к задней части головы, что объясняется употреблени-

ем заряда пороха в 4 драхмы. Выстрелы на 15 и на 40 ярдов дали одинаковые результаты.

Следующий опыт был над ореховой доской 3-дюймовой толщины. Пуля Снайдера, обращенная в разрывную, образовала небольшое входное отверстие; пройдя 2 дюйма, значительно увеличилась в объеме и, разорвавшись, оторвала заднюю сторону доски. Эта пуля и экспрессная 450-го кал. испытывались также стрельбою в мешок, наполненный сырьими опилками, и разрывались, почти пробив его насквозь.

Этим удовлетворительно доказано, что обыкновенный взрывчатый состав — смесь равных частей антимония и бертолетовой соли — годится для снаряжения всяких пуль, от 450-го до 8-го калибров. Особенно полезно иметь легкие разрывные конические пули для дробовых ружей; соответственным увеличением размеров пустоты можно довести их до веса калиберных сферических.

П р и м е ч а н и е: унция — 28,3 г, гран — 0,0648 г, дюйм — 25,4 мм, фунт — 454 г, драхма — 1,77 г, ярд — 0,91 м.

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

25-29 апреля 1996

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!

Фирма «СОВЕНКОН» приглашает Вас
принять участие в третьей ежегодной
специализированной выставке-ярмарке
«ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО—96»

Выставка будет работать в павильоне № 2
Выставочного комплекса «ЛенЭКСПО»

Адрес: Россия, 196084, Санкт-Петербург, Заставская ул., 21

тел.: (812) 296-01-34;
296-00-16,
факс: (812) 296-08-45

ПТИЦЫ
С КОЛЬЦАМИ
ИЗ АВСТРАЛИИ
И ЯПОНИИ

«ДЕШЕВАЯ»
ПУШНИНА

БРАКОНЬЕРСКИЙ
БЕСПРЕДЕЛ

В редакцию журнала неоднократно приходили сообщения от охотников, добывших птиц с цветными или (и) металлическими кольцами на лапках. Если присыпали само кольцо или переписывали номер его и выбывшие буквы, то через непродолжительное время с помощью Центра кольцевания птиц и ряда других организаций удавалось восстановить вид птицы (часто пол и возраст), место, где она была окольцована, время кольцевания и дистанцию от места кольцевания до места добычи.

Из последних интересных находок, присланных в редакцию, отметим шилохвость, окольцованную в Японии (добыл В. М. Чепига из Амурской обл.). Возраст шилохвости (селезень) превышал 3 года. Дистанция от места кольцевания до места добычи составляла 2000 км.

Более далекий мигрант был добыт в Хабаровском крае на р. Уде охотником С. И. Красивых. Небольшой куличок-мородунка имел на лапке кольцо из Австралии. Это первый возврат из России мородунки, окольцованной в Австралии. Данный экземпляр был окольцован в 1990 г. Дистанция от места кольцевания до места добычи более 8000 км по прямой. Сколько на самом деле километров преодолел этот куличок за шесть лет своей жизни от мест размножения до мест зимовки, установить трудно, так как не обязательно он каждый год зимовал в одном и том же месте. Во всяком случае, счет идет на десятки тысяч километров.

Несмотря на известные трудности, ученые-орнитологи нашей страны активно сотрудничают с организациями и любителями, занимающимися мечением птиц в различных уголках земного шара. Хорошие контакты сложи-

лись с орнитологическими и природоохранными центрами Голландии, Швеции, Франции, Финляндии, США, Австралии и других стран. Например, в Австралии, где работали наши орнитологи, в массовом, но централизованном порядке осуществляется кольцевание птиц и летучих мышей. Среди птиц особый интерес в этом плане представляют кулики. Многие виды относительно высоконоги, так что кольца, в том числе и цветные, хорошо заметны. Комбинируя кольца разного цвета, ученые при повторной встрече могут в ряде случаев точно опознать отдельную особь.

Это возможно, конечно, при хорошем навыке определения видов куликов в природе, что не всегдаается легко даже опытным орнитологам. В журнале «Охота и охотничье хозяйство» в течение ряда лет публикуется атлас изображений и областей гнездования многих охотничьих и охраняемых видов птиц (в том числе и многих видов куликов), выполненный автором настоящего сообщения. В дополнение можно порекомендовать справочник-определитель «Птицы СССР», издания 1968 г., с цветными и черно-белыми изображениями птиц, авторы: В. Е. Флинт, Р. Л. Беме, Ю. В. Костин, А. А. Кузнецов. Конечно, при присыпке кольца идентификация добытой птицы может быть более точной.

Материалы кольцевания дают много ценной информации для специалистов-орнитологов, экологов, охотустроителей. Важны они и при планировании природоохранных мероприятий. Сейчас активно заработал после некоторого перерыва Центр кольцевания птиц при Российской Академии наук по адресу: 117313, Москва, В-313, Ленинский пр-т, д. 86, кв. 310, тел. 138-22-31.

Данные о кольцах, как и сами кольца, можно присыпать либо прямо в центр кольцевания, либо в редакцию журнала. Мы будем продолжать знакомить читателей с наиболее интересными находками.

В. ШИШКИН
г. Москва

Здравствуй, уважаемая редакция! Нигде не могу узнать, как положено оценивать пушнину, принятую от охотников. Прошлый сезон 1994/95 г. я заключил в Смидовичском ОИР договор на добычу и сдачу 30 ондатр и 2 енотов. Отловив ондатру, поехал в г. Биробиджан, что в 70 км от нас, сдавать пушнину. Сразу как только вошел в заготконттору, понял, никакой определенности в этом вопросе нет. Приемщики не знали, какую цену мне предложить. Торговались как на базаре, сошлись на том, что дадут по 6 тыс. руб. за головку. Всего я заработал 66 тыс. 900 руб. Местный охотовед объяснил, что, мол, ондатра — пушнина дешевая, цены на нее низкие, что им сажим еще надо ее пересортировать, обработать, упаковать и отправить в Иркутск, да и зарплату нужно что-то иметь.

В феврале 1995 г. я поехал сдавать енотов. Один енот был хороший, второй имел на загривке плешины размером с яблоко. Короче говоря, приняли их у меня по 2 тыс. руб. за каждого. Брак, говорят, оба, и плата всего 7 %. Я совсем очумел, спорить не стал по своей натуре, взял деньги и ушел. И получилось, за дорогу отдал 15 тыс. руб., а заработал всего 4 тыс. руб.

Интересно, какие расценки будут в нынешнем году. Охоту я, конечно, люблю всей душой, но ведь и заработать что-то за свой труды хочется.

А. ДЕМИДОВ
Хабаровский край

Однажды поздней осенью прошел я несколько дней на утиной охоте в камских лугах. Большие и малые озера с темными островками кути и тростника чередовались здесь с обычными травянистыми болотами. На одном из озер сооружен был у меня небольшой складок из ивы и травы. На воду метрах в 15-20 от засидки я выставлял несколько резиновых чучел: трех-четырех чирков, пару кряковых, одну-две шилохвости. Забирался в складок затемно, затаивался и терпеливо ждал. С рассветом начинался перелет уток с озера на озеро. Завидев чучела, утки подсаживались к ним и... становились добычей.

В один из дней охоты я как обычно еще до рассвета сидел в засидке. Чувствовалось заметное похолодание. Воздух, свежий и острый, посыпал ноздри. Стужа заползла за воротник, ходила спину.

Светло медленно. Тьму сменяла серая мутная мгла. Большиими пушистыми хлопьями падал густо снег. Мягкие снежинки плавно падали на землю.

Вскоре снег покрыл траву, копны сена, луговую дорогу, кусты ивняка. Поеживаясь, я сидел в складке и любовался такой переменой в природе. Еще час-полтора тому назад все вокруг было зеленым, а сейчас сплошь выглядело чисто-белым, как будто разом все это было видеть.

Вдруг послышался упругий, нарастающий свист крыльев. На складок стремительно и низко шли три птицы. Со свистом расекая воздух, они пронеслись над самой моей головой. Я развернулся, быстро вскинул ружье и ударил дуплетом. Одна из уток резко пошла на снижение, грудью пропахала только что выпавший снег и застыла, разбросав широко крылья. Я подошел к птице, поднял. Это была северная холмистая чернеть. Крови нигде не было, птица была совершенно целой, не поврежденной. Задумался, куда же я попал? И лишь дома при разделке туши загадка прояснилась: единственная дробинка поразила сердце. Одна дробинка... и в сердце.

Н. АКУЛОВ
г. Казань

титься жизнью. Приведу несколько примеров. В Раменском охотхозяйстве в Ульянинском лесничестве при обходе егеря П. И. Зимины браконьеры отстреляли сразу четырех кабанов. В Бронницком лесничестве в обходе егеря В. И. Кочеткова с подъездом на автомашине убит кабан. В районе рыбхоза «Гжелка» отстрелян браконьерами выпущенный для акклиматизации европейский олень. В Бронницком охотхозяйстве ВОО МВО также нет покоя. Выехав на выстрелы в ночное время, начальник общества П. Н. Ткаченко обнаружил автомашину УАЗ, в которую браконьеры спокойно грузили мясо лоси. У них были отобраны ружья, техпаспорт на машину, запасное колесо. Для верности прострелили колесо автомашины. Все улики были переданы в Бронницкое ГОМ. И что же? Ни одного уголовного дела не было возбуждено.

Чувствуя полную безнаказанность, браконьеры угрожают работникам охотхозяйства. В дом начальника Бронницкого охотхозяйства дважды закладывали и приводили в действие взрывное устройство. Браконьеры сегодня разъезжают на «Ниссанах» и других автомобилях с повышенной проходимостью, имеют приборы ночного видения, рации, вооружены нарезным оружием любых калибров. Как им может противостоять охотничий надзор, не имеющий ни транспорта, ни связи, ни зарплат — вообще ничего, кроме оставшейся старой печати Госохотинспекции? Поэтому все разговоры о выполнении Закона об охране и рациональном использовании животного мира — химера. Ничего при таких условиях не получится. Задумается ли новая власть о будущем нашей природы? Ведь восстанавливать потерянное придется многие десятилетия.

Е. ШУМИЛОВСКИЙ,
охотовед УОХ Администрации
Московской обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мне хочется через ваш журнал сказать несколько добрых слов в адрес ижевских оружейников. 19 июня 1974 г. в московском магазине, который тогда назывался Оптово-розничный магазин Союза Общества охотников РСФСР и находился не очень далеко от Белорусского вокзала, я приобрел охотничье ружье ИЖ-27Е с вертикальным расположением стволов, в экспортном исполнении. И вот уже 21 год я охочусь со своей неизменной «ижевкой». Охотился в основном в трудных погодных условиях Заполярья — Ямало-Ненецком национальном округе Тюменской области. И в дождь и в пургу приходилось попадать нам вместе с «ижевкой», и никогда она меня не подводила.

Снаряжая патроны бездымным порохом «Сокол» и капсюлями «Жевело», я не знал ни единой осечки моего ружья. Не знаю, сколько выстрелов произвел я, вероятно очень много, бывало так, что за одну утреннюю зорьку на утиной охоте приходилось расстреливать до 50 патронов. Ружье и сейчас как новенькое. Правда, ухаживал я за ним добросовестно.

В этом году решил проверить механизм ружья, для чего отсоединил приклад от ствольной коробки. И что бы вы думали? Механизм блестит, как будто его только что из цеха принесли, — ни одной ржавчинки, даже намека!

Пусть все написанное мной будет лучшей рекламой Ижевскому механическому заводу. Друзья! Вы умеете делать хорошие ружья. Спасибо вам!

Е. ЧУДЕСНИКОВ
Коми

Стреляя по рябчику с большого расстояния, я не был уверен в результате и поспешил к месту падения — вдруг подранок. На полпути решил, что моя опасения беспочвены: из-под сосновки, на которой сидела птица, метнулось что-то серое и замелькало между кочками. Побежал за ним, но, проскочив метров 20, увидел, что расстояние между нами резко увеличивается. Что за черт! Оглянулся и заметил слабое трепыхание под сосновой. Рябчик был там. Тут до меня дошла комичность ситуации. Под сосновкой, куда села птица, лежал заяц. Битый рябчик упал ему, как говорится, на голову. А после этого ненормальный охотник пытается угнаться за лесным скороходом по болотцу. Но видны мне были из-за кочек лишь кончики ушей, которые я и принял за подранка.

А. ЮФЕРОВ
Кировская обл.

Здравствуй, редакция! С заботливостью и тревогой наблюдаю очередной спад тиража нашего журнала. И ничего нельзя поделать, и никто не виноват. Жизнь всех берет за горло. А что будет дальше? На сколько еще «сидят» число подписчиков? Думать об этом не хочется, а приходится. Скучно, тоскливо и одноко будет нам без «Охоты и охотничьего хозяйства». Уж больно друг-то старинный!

Что касается меня, буду стоять до конца. И все же я не думаю, что число подписчиков дойдет до нуля. Такие люди, как Алексин, Фокины, Русанов, Петров, Чернышев, Стрелков, Марков, Егоров, останутся в числе авторов, а значит, уцелеет кость — «были бы кости — мясо нарастет».

Честно говоря, когда я читаю письма с возгласами о дорогоизнене и прощальными стонами журнала, злюсь. Ведь бутылку ко вся кому празднику каждый охотник на стол поставит, на это денег хватает, а сколько она нынче стоит... Сам я тяну все семью. Супруга уже полтора года не работает, но даже в самые отчаянные моменты я и в мыслях не допускаю, чтобы отказаться от журнала.

Хочу рассказать немногого о себе. Мой отец был известным на весь Кузнецк столяром-плотником. Наследственность сказывалась — дерево всегда меня влекло. Уже 20 лет работаю я на мебельном комбинате столяром-краснодеревщиком. Не скрите за нескромность, но могу с гордостью сообщить, что за разработки, связанные с реконструкцией древнеславянской письменности, избран действительным членом Московского отделения Русского исторического общества. Открыл и воссоздал древнюю технологию дощечкового письма. Полностью первый в мире реконструировал таинственную и скандально-известную Велесову книгу, или «Дацьки Изенбека». По этому вопросу печаталась в журналах «Наука и религия», «Чудеса и приключения». И фильм обо мне сняли. Знаком с несколькими системами древнего письма: тюрко-рунической, германо-рунической, арабской, глаголической и велесовой грамотой (ранняя кириллица).

До всего, о чем мечтала душа, доходил самообразованием, по книгам и на своем опыте.

А. БИКМУЛЛИН
Пензенская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Вы и не поверите, но мои любимые собаки — гладкошерстные фокстерьеры — превратили меня в заядлую охотницу. Мы с мужем, членом общества охотников и рыболовов, решили завести себе небольшую норную собаку. А когда пришли в московское общество охотничьего собаководства, то увидели и влюбились в щенка гладкого фокса — рыже-пегую красавицу. Это замечательная порода норных собак: веселые, подвижные, бесстрашные, злые к зверю и ласковые и дружелюбные к своим хозяевам.

Охота у нас началась на крыс и мышей около школы в московском парке в районе Покровского Стрешнева, где мы живем. Собак у нас две — мать и дочь, Квета и Глаша. Они приносили нам добычу к ногам каждый вечер, когда мы с ними гуляли. Было очень интересно смотреть, как они работают, как этих ужасных животных брали в «клещи». Фактически наши собаки в городе работали санитарами.

Настоящая охота началась тогда, когда мы купили деревен-

ский дом в Калужской области, в Думиничском районе. Здесь начинаются знаменитые брянские леса, где во время Отечественной войны проходили жестокие бои и активно действовали партизаны. В лесах много братских могил, иногда встречаются окопы и блиндажи. Сегодня брянские леса полны грибов и ягод, в них много лисиц, барсуков и енотов, поэтому и охотников достаточно. Во время охотничьего сезона местные охотники, у которых норных собак не было, все просили продать Квету и Глашу, в крайнем случае дать с ними хотя бы поработать, некоторые даже грозились украдать их. Мы, конечно, тоже ходили со своими собаками в лес. Какой же это интересный и азартный процесс — охота! Собаки с азартом вырываются в нору и по выходе никак не могут успокоиться. Их охотничий задор передается и хозяевам.

На выставках охотничьих собак наши фоксы получили несколько медалей. По экстерьеру они имели маленькую «колодку» (тело было не очень длинным, и в нору они входили не ползком, а на полных лапах). Очень жаль, но наши любимицы недавно умерли: одной было 15 лет, другой — 14. Обидно, что порода гладкошерстных фокстерьеров в нашей стране постепенно исчезает. Еще лет 10 назад этих собак можно было встретить в подмосковных электричках, теперь же они попадаются все реже и реже.

М. ИВАНОВА,
г. Москва

М. Д. Иванова с мужем и своими любимицами Кветой и Глашой.
Калужская обл. 1987 г.

ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ

ПАРГА — ЛУЧШАЯ ПРИМАНКА НА БЕЛКУ И ЗАЙЦА

Добыча пушных зверей капканами и другими самоловами в последние годы получает все большее распространение в охотниччьем промысле. Вместе с этим растет и потребность в приманках. Хорошая, умело использованная приманка во много раз увеличивает добывчивость ловушки. Некоторых зверей, как, например, белку, поймать самоловом, без приманки, очень трудно.

Охотникам известно довольно много различных приманок — пахучих, кормовых, звуковых. Эффективность их не всегда достаточно высока. Некоторые приманки недоступны широкому кругу охотников из-за отсутствия на местах нужных составных частей. Многие приманки непригодны для длительного хранения или же быстро утрачивают свои полезные свойства при употреблении их в сильные морозы, дождь и пр. Большинство пахучих приманок применимо только в сравнительно короткий период года, когда качество меха невысокое, а добыча отрицательно оказывается на сохранении поголовья зверя.

Парга — приманка на белку и зайца — лишена всех этих недостатков. Олений трюфель, или парга, — один из обычных подземных сумчатых грибов северной лесной зоны СССР — излюбленный корм зайца-беляка и белки. Паргу успешно применяют в качестве приманки в плашках и черканах на белку и в капканах на зайца. Однако способы отыскания и промыслового использования этого гриба до сих пор известны очень небольшому кругу охотников.

Свежевырытые грибы, очищенные от земли и «плесени», внешним видом и запахом немного напоминают мелкий молодой картофель, отчего их иногда называют «лесной картошкой», или «земляным орехом».

Цвет свежей парги, в зависимости от ее возраста и грунта, меняется от песочно-желтого до темно-бурого и матово-черного. Зрелые грибы всегда окрашены темнее, чем молодые. Величина гриба — от мелкой горошины до куриного яйца, сырой вес — от нескольких долей грамма до 25—30 г. Обычный их размер не превышает крупного лесного ореха, а вес сырого гриба чаще всего 1—3 г. Кожица, или оболочка, гриба толстая и прочная (1—1,5 мм), будучи подсушенной на солнце, почти не поддается сдавливанию пальцами, режется с трудом, а при сильном ударе раскалывается. Снаружи кожица часто покрыта мелкими бородавочками и шероховата на ощупь, а у молодых и сильно перезрелых (старых) грибов эта бородавчатость отсутствует, поверхность их совершенно гладкая.

Внутри зрелые грибы всегда наполнены массой темно-бурых спор, напоминающих сажу, и весьма тонкой волокнистой массой. Под большим увеличением споры оленьего трюфеля имеют шаровидную форму, гладкую поверхность и окрашены в темно-коричневый цвет. Молодые грибы наполнены тонкогубчатой, сочной массой светло-коричневого, иногда совсем белого цвета с фиолетовым оттенком, темнеющим на срезе.

Парга растет почти во всех типах северных хвойных лесов и временных широколиственных насаждений. Наиболее типичными местами произрастания парги являются

ельник (черничник, кисличник, брусничник), бор смешанный, чистый однодревесный березняк и мелколесье с преобладанием ели и небольшой примеси осины и сосны.

Парга чаще встречается на сухих или слабо увлажненных участках леса с песчаной почвой (нередко с тонким слоем подзола на грубой щебнистой материнской породе), с уплотненной лесной подстилкой и со слабо- или среднerezвитым моховым и травяным покровом. Грибы всегда находятся в самом верхнем слое почвы, под лесной подстилкой из хвои и листвьев, или в слое сухого лесного торфа (мертвой подстилки и мохового слоя) на глубине от 2 до 15 см. Располагаются они несколькими грудками (до 10 штук вместе) или одиночно, сильно разбросанно, иногда в 2—3 слоя.

Умение ориентироваться в лесу, отыскивать требуемые участки по составу насаждения содействует успеху при сборе парги. Однако главное внимание нужно обращать на покопки¹ зверей — зайца и белки, иногда также барсука. Эти звери всегда безошибочно с помощью обоняния находят олений трюфель, как бы он глубоко ни залегал. При этом они часто посещают одни и те же участки, отчего появляется много покопок самой различной свежести. На покопках обычно остаются недоеденные или совсем неповрежденные грибки.

Олений трюфель из-за толстой и прочной кожуры и глубокого залегания под землей не в состоянии распространять свои споры, с помощью которых он размножается. Если гриб не вырыт зверем или человеком и не разбит, он через два-три года сгнивает в почве. Разгрызая грибы на месте свежей покопки, зверьки распыляют и как бы «сажают» споры. Впоследствии здесь появляются группы молодых грибков, численно превосходящие прежние. Кроме того, белка и заяц разносят споры парги по лесу вместе с пометом и, таким образом, расселяют ее. Как известно, грибные споры после прохождения через пищеварительный тракт не теряют своей всхожести.

Нередко на старых, прошлогодних покопках грибков бывает значительно больше, чем на свежих. Поэтому нужно при поисках внимательнее наблюдать, чтобы не пропустить ямок, частично засыпанных листвой и хвоей. Сами по себе покопки невелики. Ширина верхнего слоя ямки редко превышает 10—15 см; края ее сильно пологи, с выгребом на одну или две стороны. Глубина ямок, в зависимости от грунта, от 3 до 15 см.

Собирать грибы можно в течение всего теплого периода года, но лучше всего в начале лета (перед сенокосом) и осенью — до морозов и снега. Копать паргу нужно главным образом вокруг заячьих и беличьих покопок. Сначала следует содрать слой дерна, внимательно его перетрясти и прощупать (грибки часто обнаруживаются на ощупь); потом разрвать мертвую подстилку и верхний слой почвы, перебирая в руках каждый комочек, так как в нем может быть гриб.

Добывать грибы лучше всего руками, а если грунт твердый, можно пользоваться деревянной или железной клюшкой (наподобие крючка с 2—3 зубьями) с короткой рукояткой. Собирать грибы можно в сумку или корзинку. Собранные грибы нужно подсушить на солнце до полного затвердения. В таком виде они могут храниться очень долго.

Для использования в качестве приманки гриб просверливают в двух местах, в отверстия протягивают ниточку и привязывают гриб к сторонке плашки или на жерди за черканом и перед ним (на расстоянии 8—10 см) с таким расчетом, чтобы зверек, дотронувшись до приманки, был прихлопнут ловушкой.

При ловле зайца капканами паргу употребляют для вываривания в ее настое капканов и всех принадлежностей к ним (перед самым промыслом). Кроме того, по несколько штук грибков подвязывают внизу под полотном

¹ Покопки — места, где зверь добывал гриб.

или на язычке капкана так, чтобы их не было видно. Заяц идет на их запах, который чует очень далеко.

В сезоны 1936/37 и 1937/38 гг. охотники Кеношского района Архангельской области Мезин Александр Александрович, Колесов Александр Михайлович и некоторые другие проверяли паргу как приманку на зайца-белка. Результаты получены поразительные. Зайцы попадали в каждый вываренный или вымоченный в настое из парги капкан, даже и тогда, когда капканы ставились далеко от тропы. Были случаи, когда зайцы разрывали весь снег над случайнно спущенным капканом с паргой, очевидно, в поисках грибов.

По сообщению охотников из Омской области и Коми АССР, уловистость белки черканом в случаях применения парги сильно возрастает. В сравнении с еловой или кедровой шишкой парга зимой более привлекательная приманка. Белка и заяц идут на нее лучше, чем на всякую другую приманку. Простота сбора, хранения и использования парги в промысле ставит ее среди приманок на первое место.

И. Д. КИРИС,
старший научный сотрудник Лаборатории
биологии и техники охотпромысла
«Охотничий промысел», № 2, 1938 г.

МАНОК НА ВАЛЬДШНЕПА

Нынешней весной в продаже в магазине Всекохотовоюза в Москве появился манок на вальдшнепа.

Манок этот изобретен лет сорок с лишним тому назад и тогда же был награжден на одной из охотничих выставок в Петербурге.

С тех пор такой манок был моим постоянным спутником на тяге и действие его я вполне изучил.

В неумелых руках манок, кроме вреда, на охоте ничего принести не может, умелое же обращение достигается только практикой, при условии усвоения некоторых элементарных правил обращения с ним.

Прежде всего надо помнить, что при начале тяги, т. е. ранней весной, вальдшнеп на манок обращает внимание редко и начинает на звук его поворачивать лучше всего уже тогда, когда на молодых березках разовьется лист, особенно же хорошо летит на него — когда самки уже сидят на яйцах, т. е. к концу тяги.

Но, повторяю, это только в тех случаях, когда манок находится в умелых руках, никоим образом недопустимы посторонние звуки от манка — звук должен быть отрывистым, четким и чистым, без всяких призвуков.

Для этого необходимо, подвесив манок на шнурке к пуговице костюма, держать его за донышко, на котором ввернуто колечко для шнурка, тремя первыми пальцами правой руки, на которую должно быть положено готовое к выстрелу ружье.

При первом звуке хорканья, которое обычно слышно раньше цыканья вальдшнепа, следует осторожно взять тремя же пальцами, но уже левой руки за донышко, в котором вделан пищик, стараясь, чтобы манок при этом не произвел ни одного звука, и тотчас же отрывисто его сжать и держать сжатым секунды две, после чего сейчас же раза два подряд разжать и сжать, разжать и сжать, следя за тем, чтобы после звука манок оставался плотно сжатым — тогда никаких посторонних звуков не последует.

Если по звуку хорканья охотник заметит, что вальдшнеп взял направление на него, то дальше манить надо очень осторожно: «пик-пик, пик-пик» и замолчать, иначе он сядет на землю. Если же птица не поворачивает, то манить надо настойчивее, повторяя «пик-пик» до трех, четырех раз подряд.

В том же случае, когда будет уже ясно, что вальдшнеп взял направление на охотника, манок должен оставаться на изготовке в руках, так как часто случается, что, не слыша больше манка, вальдшнеп отвернется в сторону. В предупреждение такого случая, когда видна нерешительность вальдшнепа, бывает полезно пикнуть еще раз. Тогда он почти останавливается над головой охотника.

Бросать из рук манок можно перед моментом выстрела уже без всякой осторожности и от звука при бросании вальдшнеп отвернуть уже не успеет.

За мою охотничью практику мне пришлось убить до десятка сидячих вальдшнепов на земле — это результат неосторожной манки.

Добычливость охоты при употреблении манка возрастает за счет «подранков», так как при охоте с манком, на который редкий вальдшнеп не поворачивает, стрелять приходится почти всегда в меру, и хороший охотник, при некоторой выдержке, легко может довести свою стрельбу на тяге до 80—100 %.

Главное зло от стрельбы на тяге — это подранки, которые пропадают непроизводительно, стрелянныне не в меру, манок же сводит расстояние до минимума, так как редкий вальдшнеп устоит от соблазна повернуть на манок, и стрелять его в большинстве случаев приходится или «на штык», или над головой.

Тем, кто не будет в точности руководствоваться указаниями этой заметки, я манка покупать не рекомендую — это будут брошенные деньги.

В эту весну запас манков в Всекохотовоюзе был очень ограничен, да и приобретены они были уже поздно, так что не вошли даже в прейскурант, помещенный в № 4 «Охотника», поэтому вряд ли успели разойтись, да и обращаться надо с ними «умеючи».

Поэтому я решил поделиться моей многолетней охотничьей практикой с теми, кто уже купил себе манок, дабы он не был выброшен купившим, как совершенно негодная вещь.

А. ГРИГОРЬЕВ
«Охотник», № 9, 1926 г.

Дорогие читатели, друзья ЖУРНАЛА «ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»!

Не забудьте подписать
на свой журнал

Наш индекс — 70673 — на полгода,
72376 — на год по каталогу Роспечати

Всех, кто останется с нами,
благодарим за верность журналу

Редакция

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Выражение это общеизвестно, зато происхождение его мало кто знает. Появилось оно во Франции в эпоху короля Людовика XIV и затем распространилось по всему свету. Людовик XIV во всем любил грандиозность и пышность. Не делал исключения и для охоты. Обратимся к фактам. Ни одна охота двора не обходилась без начальника королевской псовой охоты и королевского сокольничего, которые присутствовали на всех охотничих выездах. Помогали им при этом 4 доззачих, каждый из которых неотлучно находился при короле по три месяца, 4 выжлятника и 4 егеря для различных поручений. На охоту обычно приглашались и опытные охотники из местных дворян.

К кавалькаде примыкали главный королевский конюший, его помощник, собачники, слуги, обслуживающие охотничих собак и отвечающие за состояние лошадей, около 70 конюхов, столько же слуг, занимавшихся кормлением собак и лошадей. К этой достаточно представительной компании следует добавить и лиц, подготовленных для охоты на волков, кабанов, лис (начальник волчьей охоты, его помощник, копьеносцы, слуги). Кроме того, прибывали и специальные команды для охоты из засады вместе со своим начальником (капитаном), у которого было 4 старших и 4 младших помощника.

В королевской охоте принимало участие множество знатных персон, составлявших свиту монарха. Вместе с ними общая численность охотников превышала 800 человек! А собак было более тысячи! Не на последнем месте были и ловчие птицы. Охота с соколами возлагалась на главного королевского сокольничего, который имел в своем распоряжении обслуживающий персонал с начальниками и подчиненными.

Леса, парки, кустарники, где охотился король, тщательно охранялись. Небольшой парк в Версале соединялся с остальными, более обширными, которые постепенно переходили в настоящий лес, имевший площадь 6000 гектаров. Он был огорожен забором с 22 воротами, которые охраняли мушкетеры или гвардейцы.

Страстный охотник, Людовик XIV охотился чуть ли не каждый день. Такая охота требовала выносливости, и его величество был к этому подготовлен: он не боялся ни жары, ни холода, ни дождя, ни снега. В ёзде не уступал профессиональным кавалеристам. Однажды он проскасал на коне от Версала до Фонтенбло и обратно более 150 километров. Даже во время далеких походов, посещая театр военных действий, монарх не упускал случая подразмываться на охотничьем поприще. Он усердно практиковался в стрельбе и был известен как отличный стрелок. Рассказывали, что даже в 76-летнем возрасте, будучи тяжело больным, король 34 выстрелами поразил 32 фазана. По его словам, он ежегодно отстреливал до 20 тысяч мелкой и крупной дичи.

Много времени уделял охоте и другой французский король — Людовик XVI. Свои подвиги он аккуратно записывал в дневник. Архивы сохранили удивительные документы, подписанные королевской рукой. Он сообщает, например, что за время своего царствования провел 1247 охотничих выездов на оленя, 266 на сур, 105 на кабана. За 17 лет он отстрелял 189 254 дичины. Действительно, королевский размах!

В Польше и на Украине в качестве собак для охоты на кабанов использовались доги. Они не только преследовали, но и при хорошем обучении задерживали (за уши, задние ноги и другие части) кабана до прихода охотника.

На Кавказе при охоте на кабанов использовались собаки не чистой расы, а помесь между гончими и овчарками.

В охотничьих уставах значительное место занимали обязательные правила для нормальных взаимоотношений между охотниками. Так, например, в России при конной охоте с собаками первые три из общих девяти правил касались этого вопроса:

1. Во всем должны быть беспристрастие и рыцарская справедливость.
2. Не лгать другу во время охоты, даже в шутку.
3. Если возникнет спор на поле, не оскорбляйте самоуважение товарища, не унижайте достоинства его любимых собак, особенно если он страстный охотник, так как любая страсть в возбужденном состоянии не поддается разуму.

ВСТРЕЧА

Федот Иваныч медленно шагал по негорной лесной дороге к тетеревиному току. Там, на большой поляне в березняке, его ждал старый шалаш из веток, подновленный несколько дней назад.

Спускался тихий и теплый весенний вечер, пахло хвоей, прелым листом, под ногами чавкала раскисшая земля. Лес полнился пересвистом птиц.

Настроение у Иваныча было радостное. Рука нащупывала в грудном кармане охотничий членский билет с путевкой на отстрел одного косача. Охотник надеялся на успех. Эта надежда подкреплялась не раз услышанным бормотанием косачей на утренних зорях.

Ночевать предстояло в шалаше, на сухом сене, принесенном с остожья. Можно было обойтись и без ночевки на току, но тогда пришлось бы шагать ночью, а Иванычу было любо провести вечер в лесу.

Уютно устроившись в шалаше, Иваныч размечтался о прелестях предстоящей охоты, ему живо представлялись картины тока, подлеты косачей, биение упругих крыльев, чуфыканье...

Предутренний холодок согнал чуткую дрему, охотник осмотрелся через просветы стенок шалаша. Небо за темной стеной леса порозовело. Послышалось хлопанье крыльев, темная птица шумно села на краю поляны, распустила лирообразный хвост, ярко забелело перо подхвостья. Тетерев перебежал ближе к середине поляны и несколько раз чуфыкнул, приглашая соперников к турнирным боям.

Один за другим подлетали на ток косачи, их собралось не менее десятка, они чуфыкали и бормотали вокруг шалаша, гонялись друг за другом, сшибались грудью, подпрыгивая...

Светало. Как на ладони открылась панорама тока. Иваныч не спешил стрелять, хотел вдосталь налюбоваться на красавцев-косачей с широкими, словно из красного плюша, бровями.

Внезапно птицы смолкли, взлетели и скрылись за деревьями.

Иваныч недоумевал и досадовал: подшуметь токующих косачей он не мог, сидел в шалаше тихо, не впервые охотился на току. Охотник наполовину вылез из укрытия и осмотрелся, ему нужно было знать, кто же спугнул птиц.

И он увидел виновника: в опушке показался лось! «Эх ты, животина, — ругнулся беззлобно Иваныч, — надо же тебе было притопать именно сюда...»

Лось медленно пошел через поляну, ноги его вязли в сырой земле, зверь прихрамывал на переднюю ногу. Иваныч сразу узнал лося, окрикнул его. Лось остановился, повернулся к охотнику голову.

Осенью позапрошлого года всей деревней спасали молодого лося, провалившегося в речку по перволедью. Зверь долго бился на воде, обламывая лед, и никак не мог выбраться на него. Тогда-то лось и повредил ногу.

Подлечили лося, потом отвели в лес. Зверь привык к людям, кормился в лесу поблизости от деревни.

«Ну, будь здоров, иди своей дорогой», — ласково прикрикнул Иваныч и вылез из шалаша. Лось неторопливо перешел поляну и углубился в чащу. Охотник долго смотрел ему вслед. На сердце было легко.

Из-за леса блеснули первые лучи солнца, прошумел легкий утренний ветерок в опушке.

М. ВОЛКОВ,
охотовед

ПИРАТ И ДАМКА

Максим Герасимович Самсонов был мужик крупный, костистый, подбористый. Себе под стать любил все крупное и в хозяйстве, будь то гуси, индюки, корова или лошадь. Своих гончих «смолова» вел сам, вязал только с работающими собаками путных охотников-гончатников. Живя в лесу на кордоне вдали от городской суеты, не имел понятия о таких вещах, как экстерьер, баллы, выставки, дипломы, прикусы и пр. Не мудря особо, из поколения в поколение наработал выжлецов Пиратами, выжловок — Дамками. Отдавал предпочтение особям крупным, с доносчивым голосом. Его собак не путали с другими. Едет мужик по своим делам через лес, услышит гон, перевидит мелькнувшего гончака и по стати домыслит: «Собачка Самсоновская». Только у него вились такие крупные гончары.

Дед Максим не вел никаких бумаг, а жаль. Многое из его рассказов осталось в моей памяти. Если он вспоминал к случаю какую-то собаку, то обычно определялся во времени так: «Э-э! Это тот Пират, которого проразверстник из нагана застрелил», или «Пират, который меня в Винном долу встретил, когда я с войны пришел», «Пират, что волка загрыз», «Дамка, что в капкан попала» и т. д.

Еще совсем зеленым охотником-безбилетником я подружился с Максимом Герасимовичем, застав на подворье стареющего Пирата и полную сил дочь его, выжловку Дамку. Помню, меня почему-то больше всего поразила широколобая, прямо-таки медвежья башка мощного костромича. Весь он был какой-то бандюжистый, мрачно-нелюдимый, полностью оправдывал свою кличку. На морде шрам, ухо рваное. Лесной флибустьер-зверогон! И Дамка была под стать отцу, хотя по-женски меньше ростом, округлой статью и не такой звероватой с виду, но тоже меченая чьими-то клыками.

Радостно было вальдшнепиной порой, бредя осенним вечероющим бором, переходящим в чернолесье, услышать издали низкий башур Пирата и более высокий фильтрный голос Дамки, вдыхать запах падой листвы, дождевых луж, печного дыма, касаться длинноклювых куликов, подвешенных на удавках. И почти у самого кордона рядом с одичалой яблоней, отдупившись по одному вальдшнепу, поднять теплую птицу. Только охотник способен до конца понять и оценить прелест осеннего леса глухого октября предвечерья с поднимающейся над лесом луной, с сеттером, вальдшнепами и с этими диковитыми гончими, отдающими голос по человеку в ответ на мои выстрелы.

Про скандально знаменитого Кишенинского, о собаках Мамонтова и Челищева, о капитальных трудах «матерых»

гончатников Пахомова, Казанского и других великих выжлятников России дед слыхом не слыхал, духом не ведал. Оно и к лучшему, что дед Максим «стоял на своей стезе», шел своим путем-дорогой, не бросался из крайности в крайность, улучшая то одно, то другое в своих гончих, вдогонку за переменчивыми требованиями выставок-испытаний и симпатиями наездных судей-кинологов. Просто жил, охотился, вел собак, ценя рабочие качества гонцов, и не был заражен бациллой дипломно-медального тщеславия. В какой-то мере он был консервативен, но это был здравый, практичный крестьянский консерватизм.

«Причудливы пути коней и оружия», — сказал один известный историк-романист. Можно добавить от себя: «и собак!» Где, когда, из каких глубин России, от чьих кровей повелись когда-то у местных помещиков гончие стаи и по какому счастливому случаю пересеклись пути потомков зверогонов и молодого крестьянского парня-охотника? Остается только морщить лоб и развести руками.

Дед был величайший практик и, если бы изложил на бумаге свой «собачий» опыт, вышла бы целая книга. До ума его гончары «доходили» в лесу на вольной волюшке. Круглый год без привязи, без вольеры. Это ли не идеальные условия для гончей! Правда, на очень скучном рационе-питании поневоле погонишь.

На воле, как я сумел понять по опыту своих охотничих скитаний, любая шавка, живущая без привязи на лесных кордонах и в глухих деревеньках, развивает свои охотничьи способности сполна. Пират с Дамкой были «универсалами». Могли гонять как беляка, так и русака и, если спуделяет охотник, гнали его сами (правда, в свою пользу). Натекут на лисий нарыск — заливались покрасному. За подбитыми утками, которых я нет-нет да и подстреливал осенней порой, лезли в ледяную воду без всяких комбатов. Работали при случае по кунице, глухарю, подавали голос на месте с нетерпеливым поскуливанием. Держали лося, яростно, с каким-то звоном забегая спереди. Особенно старалась Дамка. Даже не видя, по слуху сразу можно было определить: держат на месте быка или корову. Дед Максим не считал это пороком. Собаки-то лесные, не выставочные! К деду часто заглядывали гончатники. Кто поговорить, кто совета спросить, а кто и собак своих привозил с просьбой помочь в нагонке. Максим Герасимович не отказывал никому, и слава о нем и его костромичах шла далеко.

А. БИКМУЛЛИН

Фотоулыбка

НА ПРИВАЛЕ

МИХЕЕВ М., ГОГОЛЕВ С. Проблемы мягкого золота (интервью)	1
БОРЕЙКО В. История боли и героизма	2
Информация из газет	4
ТЕРНОВСКИЙ Д. Горностай	6
ЧЕРНЫШЕВ В. Россия Юрия Ковалия	8
БЕДЕЛЬ В. Полевые испытания и состязания	12
СЕВАСТЬЯНОВ А. Лисица с характером	14
ЯКУШКИН Г. 20 лет — и 1000 овцевыхиков: историческое событие свершилось!	16
ВЕРЕЩАГИН Н. Мои первые охоты на кавказских козлов	21
УСПЕНСКИЙ С. Хищные птицы	24
ЕСАУЛОВ В. Римские охоты	26
ЧЕГОДАЕВ А. Охота на гусей в Америке	28
БОРЕЦКИЙ В. Успех охоты с подсадной	30
БУЛГАКОВ М. Вася-волк	34
ТРОСТЬЯНОВА Р. Стихи	38
ГРИНЕР З. Крупнокалиберные штуцера	40
Письма читателей	42
На привале	44
Реклама	3, 11, 23, 39, 41

На первой странице обложки: Женщина с ловчей птицей на перчатке — реальность наших дней. Содержание и воспитание дикого и свободолюбивого ястреба требуют досконального знания методов тренировки, незаурядного терпения и любви.

Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки: На далеком севере.

Фото Е. Нескоромного

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висячев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дежкин, Р. В. Дормидонов, А. М. Лаврова, Я. С. Рusanов, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, С. М. Успенский, В. Е. Flint, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.

Зав. отд. писем И. И. Полосухина

Художник В. Ю. Есаулов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 5.01.96. Подписано к печати 7.02.96.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 63400 экз. Заказ 1694.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации по печати

142300, г. Чехов Московской области

Тел. (272) 71-336

Факс (272) 62-636

В случае обнаружения полиграфического брака, обращайтесь пожалуйста по адресу типографии

КИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

М. МУРОМЦЕВА

Останавливающая команда — приказание легавой, целью которого является предоставление охотнику возможности выстрелить по птице после ее подъема на крыло из-под стойки собаки; в качестве такой команды используют слова «лежать» или «сидеть», реже — «стоять», чаще всего — «лежать».

Остров — 1. Отдельно стоящие, окруженные полями лес или болото, представляющие хорошие условия для охоты с гончими; 2. Иногда всякое угодье (болото, кустарники, лес), куда пускают или куда предполагают пустить гончих.

Островная езда — охота в острове с борзыми и гончими
Остроушка — 1. Старое название лайкоподобных собак и различных типов лаек; 2. Современное уменьшительно-ласкательное обиходное название лайки

Острошипость — слишком узкая морда, что у ряда пород является недостатком; эта характеристика применялась ранее к борзым, ныне используется более широко, применительно к разным породам охотничьих собак

Отаборенный — зверь, остановленный собакой

Отбивчивая — гончая, постоянно отделяющаяся от других собак стаи и не выходящая на вызов рогом

Отбор зверя — выслеживание лайкой мелкого пушного зверька

Отбывчивая — гончая, которая постоянно покидает стаю во время гона и уходит в лес по своим делам; зачастую такая собака уходит из стаи, чтобы мышковать, однако и зверогоны уходят из стаи в тех местах, где зверя нет

Отбыть — оторваться от гончих (о зайце)

Отвислость — свободно отстающая кожа на теле собаки, образующая на некоторых местах складки

Отгоживать — отстранять борзую, чтобы принять пойманного ю зверя (зайца или лисицу), отогнать собак хлопаньем арапника; борзятник произносит при этом «ого-го!»

Отгончие, отгонялы — разговорное название гончих собак с плохой вязкостью, которые бросают работу после первой же потери следа, возвращаются к охотнику и способы только отгонять от него зверя

Отдалеть — о собаке, удалившейся на большое расстояние от охотника, когда она не слышит его голоса

Отдать свору — спустить со своры борзых

Отдирчивая — гончая, преследующая зверя в одиночку, не обращая внимания на работу стаи; если же стая присоединяется к ней, то бросает гон и ищет нового зверя

Отжим, отжать — механическое разжимание челюстей собаки в случае, когда она взяла зверя мертвый хваткой

Отжимка — специальное приспособление в виде деревянной дощечки определенной формы для разжимания челюстей собаки, когда она крепко схватывает зверя

Открытая рубашка — рыхлая, сильно отстающая от тела, зачастую торчащая в разные стороны шерсть у жесткожерстных пород, что является пороком

Отличник (отличница) — собака, имеющая на выставке или выводке оценку экстерьера «отлично»

Отмакти — небольшие различия в окрасе собак (гончих)

Отнорок — боковой ход норы, отвечающийся от основного: отверстие, под которым этот ход выходит наружу

Оторваться — далеко уйти от хозяина, потерять его из виду

Отошёдший пух — выпавший во время линьки подшерсток

Отпазанчить — отрезать пазанки (голени задних лап) у добывшего зверя и дать их в качестве лакомства и награды собакам

Отрадать — сдавать, терять силы, угасать — о больной, старой собаке

РИМСКИЕ ОХОТЫ

*Охота на льва и охота с филином
(3 стр. обложки)*

*Жертвоприношение Диане
(4 стр. обложки)*

